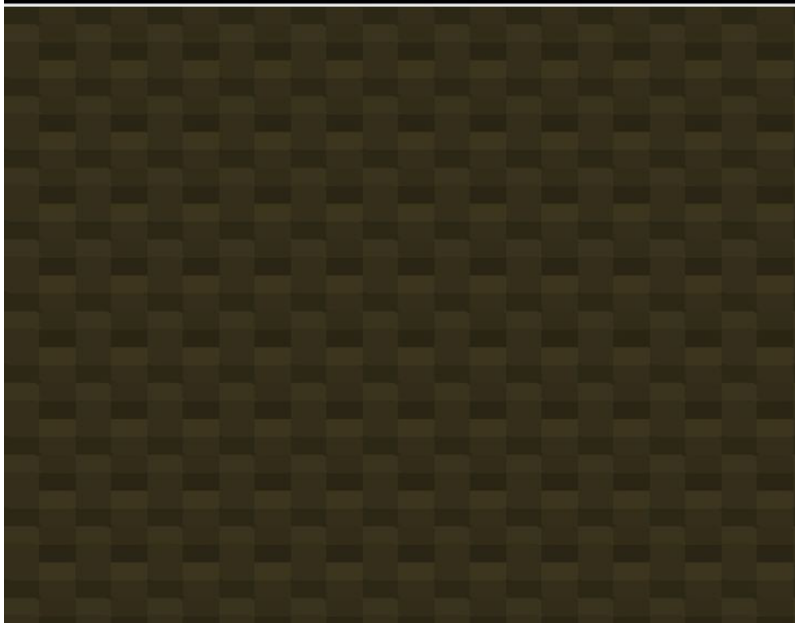

18+ Сергей Шаповалов

Сыновья Черной земли

Сергей Шаповалов

Сыновья Черной земли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48448544

ISBN 9785005063434

Аннотация

Исторический роман об эпохе давно забытых героев. Захватывающие события разворачиваются во времена великих правителей Древнего Египта Сети I и Рамзеса II. Глазами главного героя читатель увидит нелегкую жизнь и героические события, переживет ненависть, любовь, разочарование. Пройдет с ним весь путь становления личности от маленького мальчика до мудрого воина.

Содержание

Вступление	5
Часть первая «Цор»	7
Пираты	7
В рабстве	37
Храм Мелькарта	65
Побег	103
Часть вторая «Та-Кемет»	126
Чёрная земля	126
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Сыновья Черной земли

Сергей Шаповалов

© Сергей Шаповалов, 2020

ISBN 978-5-0050-6343-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Период в истории Та-Кемет, именуемый Древним царством, на самом деле являлся молодостью Египта. Именно тогда создано все великое и прекрасное, что прославило эту страну. И все же я выбрал эпоху фараонов Сети I и Рамсеса II.

Этот период относительно короток. Он начинается около 1320 года до н.э. с приходом к власти новой династии. Египтяне считали, что теперь царская семья с многочисленными детьми положит конец борьбе за трон и принесет много перемен. До сих пор владыки Обеих Земель происходили из Мемфиса или из Фив, где они создали могущественные номы Среднего Египта между Коптосом и Фаюмом. Впервые трон Хора заняли представители Дельты, чьи предки четырех поколений поклялись богу с довольно скверной репутацией – Сетху, который убил своего брата Осириса. Эта эпоха окончилась приблизительно в 1100 году до н.э. короткой эрой «повторения рождений», когда Египет окончательно распрощался с наследниками Рамсесов и с их богом.

Эти два столетия прославились царствованием трех великолепных фараонов – Сети I, Рамсеса II и Рамсеса III. Новые повелители после жестокого кризиса в конце XVIII династии принесли стране религиозный мир, который заколебался лишь с приближением 1100 года. Войска этих фараонов

онов одерживали блистательные победы. Они вмешивались гораздо активнее, чем прежде, в жизнь соседних народов. Многие египтяне жили тогда за границей. И еще больше иноземцев селилось в Египте. Рамсесы были великими строителями. Фиванские владыки XVIII династии не успели закончить восстановление опустошенных гиксосами районов. Они многое сделали в самих Фивах, но после религиозной реформы Эхнатона пришлось начинать все сначала.

Гипостильный зал в Карнаке, пилон в Луксоре, Рамессеум в Мединет-абу с массой больших и малых сооружений в ставропольных Фивах – великолепный вклад Рамсеса I и его преемников. Ни один уголок огромной империи не был обойден их вниманием. От Нубии до Пер-Рамсеса и до Питому было основано множество городов! А сколько храмов они расширили, восстановили или отстроили заново!

Часть первая «Цор»

Пираты

Стражник дремал, прислонившись спиной к холодному валуну. Голова безвольно склонилась на грудь. На утомленную землю давно опустилась ночь. Летние ночи особенно темные в южных прибрежных краях. Все утонуло в едином черном: горы, холмы, деревья... Земля и небо слились в одно целое. Миром правит спутница летних ночей – тишина. Даже шакалы не таявкают – ждут восхода луны. Стражник поежился от пробежавшего холодного ветерка, но сладкий сон не отпускал его. Рядом возвышалась куча хвороста, которую он должен поджечь, если заметит врагов. Огонь с вершины холма увидят воины на крепостных стенах, запрут ворота Алалаха¹ и поднимут тревогу.

Он не услышал, как к нему подкрались двое. Глухой удар топора, – и стражник повалился на землю с раскрытым черепом. Так и не проснулся.

Перешагнув через убитого, лазутчики подошли к склону холма. Под их ногами спал утомленный город. Высо-

¹ Алалах – название древнего аморейского города-государства в долине Амук, на месте современного Тель-Атчана близ г. Антакья в провинции Хатай на юге Турции.

кая крепостная стена, сложенная из огромных булыжников, в темноте почти сливалась со скалами. Выдавали лишь огни на стрелковых башнях, охранявших ворота. Наконец из-за гор выглянул краешек луны. Холодное сияние разлилось по холмам, проникло в долину, заиграло бликами в речной воде.

– Смотри: твой город, – сказал один из лазутчиков. Он недобро оскалился. В лунном свете хищно сверкнул его единственный глаз.

– Да! – протянул второй. – Алалах. Нынче утром он будет в полной моей власти.

– Спустишься вниз и войди через ворота, – приказал ему одноголазый. – Ты – брат правителя, стражники тебя пропустят.

– Что я должен сделать дальше?

– Убей привратников ипусти моих воинов. Если все пройдет, как мы задумали, Алалах возьмет еще до рассвета. Мой господин, лабарна Великой Хатти², Муватилли³ сделает тебя могущественным правителем этого славного города и всех земель вокруг.

– Да поможет мне Бог Грозы!

Он зашагал вниз по склону.

– Нахит! – окликнул его одноголазый. – Скажи честно: неужели ты готов убить брата?

² *Хатти – государство в Азии на территории современной Агнатолии.*

³ *Муваталли – царь Хеттского царства, правил приблизительно в 1306 – 1282 годах до н. э.*

– Я вынужден так поступить, – не оборачиваясь, ответил предатель.

– Не боишься гнева Богов? – допытывался одноглазый. Нахит задумался лишь на мгновение.

– Если брату суждено пасть от моей руки – значит, так решили сами Боги.

– А с мальчишкой как поступишь, с сыном правителя? Племянник все же твой, родная кровь.

– Прирежу! – безжалостно бросил Нахит и исчез в темноте.

Шуршание шагов растворилось в ночи. Одноглазый еще некоторое время прислушивался. Сзади раздался хруст кустарника и сиплое тяжелое дыхание.

– Это ты, рыжая борода? – спросил одноглазый, не оборачиваясь.

– Я, мой господин. – Рядом вырос могучий воин. – Мы подобрались к крепости. Для штурма все готово.

– Подождем, пока Нахит уберет охрану с ворот.

– Господин, – не смело спросил воин, – ты веришь ему?

– Нахиту? – Одноглазый скривился в подобии улыбки. – Я верю больше хвосту осла, чем этому шакалу. – С презрением сплюнул. – Как можно верить человеку, который предал свой народ и готов убить родного брата?

– Прикажи, и я сверну ему шею, – предложил здоровяк. – После скажем, будто его в схватке зашибли...

– Нет, – покачал головой одноглазый. – Наш великий вла-

стелин приказал поставить его править Алалахом. Если б не воля Солнцеликого, я бы первый выпустил ему кишки. И еще, Аху, – наконец повернулся он к воину. – Не забудь: после взятия города, ты должен отобрать крепких пленников. Шерданы⁴ обещали приплыть на рассвете. Отвезем апантес⁵ на корабле этих морских разбойников в Угарит. Говорят, нынче на невольничьем рынке подскочила цена на хороший товар.

– Не гневайся, господин, но Муватилли, наш правитель рассерчает, узнав, что ты занялся работорговлей. Неблагодарное это дело...

– На! – Он сунул под нос воину золотое колечко. – Нюхай. Чем пахнет?

– Ничем, – пожал плечами рыжебородый.

– Так, откуда узнает Солнцеликий, что я торгую рабами? Золото не пахнет, иначе казна в халентуве⁶ Хаттусы⁷ давно бы провоняла кровью.

Он отвернулся от воина и продолжил напряженно высматриваться в темноту, туда, где в скудном свете луны проступали очертания крепостных стен. За стенами плоские крыши домиков теснились друг к другу. Выше, на скале обри-

⁴ Шерданы – одно из племен Народов Моря

⁵ Апантес (хеттский) – пленные.

⁶ халентува – дворец правителей

⁷ Хаттуса – столица хеттского государства. Городище расположено около современной турецкой деревни Богазкале.

совался профиль цитадели: второй оборонительной стены, за которой пряталась халентува правителя.

Двое сонных привратников отворили ворота и впустили колесницу. Их заранее предупредили, что Нахит, брат и доверенное лицо правителя Алалаха должен вернуться на днях из Хаттусы, где по поручению властелина вел переговоры с лабарной Великой Хатти⁸. Но благородный посланник неожиданно набросился на стражников с кинжалом и зарезал обоих.

– Я вижу знак! – восторженно воскликнул, указывая на город. – Нахит размахивает факелом. Значит, он разобрался с охраной. Да помогут нам Боги! На штурм!

Ворота распахнулись. Створки с грохотом стукнули о стены. Толпа воинов хлынула в город.

Элиль проснулся от предчувствия чего-то недоброго. Ворочался с боку на бок на жестком ложе. Совсем скомкал холщевую подстилку. Глаза открывались сами собой. Сон исчез напрочь. Он поднялся и подошел к узкому окошку. Мальчик встал на цыпочки, высунулся наружу, насколько ему позволял рост. Темно и спокойно. Над головой рассыпались звезды. Они висели так низко, что казалось, до них можно дотянуться. Где-то за горным хребтом несмело выглянул луна. Юркими тенями носились летучие мыши. Мерцали светлячки. Внезапный порыв соленого морского ветра принес немного пролады. Элиль взглянул вниз. Город спал. В два-

⁸ Лабарна Великой Хатти – верховный правитель хеттского государства.

дцати шагах от окна угадывался абрис неровной верхней оборонительной стены цитадели. За стеной еле различались плоские крыши домов и мощеные камнем дворики, небольшие палисадники. Кругом безмятежное безмолвие.

Где-то внизу громким лаем спугнул тишину сторожевой пес. Ему хрипло вторил еще один. Чуть погодя все собаки в городе всполошились. Послышался неясный шум. Элиль подумал, что усилился ветер, теребя листву раскидистых топей. Но ветер стих, а шум нарастал.

Из Нижнего города эхом разнесся по узким улочкам громкий, тысячеголосый клич: «Аха!». Элиль вздрогнул. «Аха!» – вновь прогремело, но уже совсем близко. Ужас сжал все внутри. Этот клич ни с каким другим не спутаешь – клич хеттских атакующих воинов.

Тревогу подняли поздно. Захватчики уже овладели городом и со всех сторон подбирались к верхней оборонительной стене. В цитадели едва успели захлопнуть ворота. Охрана встретила нападавших градом стрел. Хеттам не удалось сходу прорваться к халентуве. После недолгой схватки у ворот, они откатились, потеряв многих убитыми и ранеными. Площадь перед цитаделью хорошо простреливалась – не высушиться. Тогда хетты решили поджечь ближайшие дома, чтобы дым не позволял лучникам целиться со стен. Потянуло гарью.

Элиль накинул длинную льняную рубаху, кое-как повязал вокруг талии широкий матерчатый пояс. Сапоги не стал

надевать. Босой кинулся опять к узкому стрельчатому окну. Хетты вновь ринулись на штурм. Бой перекинулся уже на стены цитадели. Лучники с башен беспорядочно стреляли по своим и чужим. В такой свалке ничего не разобрать. Дым резал глаза. Всполохи огня озаряли дерущихся. Крики, звон металла...

Мальчик увидел отца. Правитель Алалаха, как лев, бился сразу с тремя противниками, не давая продвинуться им ни на шаг вперед. У одного он выбил из рук копье и расколол топором голову. Но оставшиеся двое наседали.

Надо помочь! Он тоже – мужчина! Он тоже – воин! Элиль вскочил на ложе, дотянулся до бронзового меча, что всегда висел на ковре у изголовья. Клинок оказался слишком тяжелый для десятилетнего мальчика. Он не сможет биться мечом, не удержит. Кинжал! Элиль отбросил меч, снял с ковра кинжал. Клинок ахейявскойковки ему подарил отец на праздник урожая. Деревянные ножны, увитые медной чеканкой, отлетели в сторону. Тонкое обоюдоострое лезвие зловеще сверкнуло в отблеске пожара.

Элиль выскочил в темный коридор. Услышал, как в соседних покоях мать успокаивает сестер. Младшая хныкала, старшая бормотала молитву. Мальчик наощупь нашел лестницу и зашлепал босыми ногами по холодным шершавым ступенькам вниз. Скорее! На помощь отцу! Снизу раздались тяжелые шаги. Широкая тень заслонила проем. Враг, прыгая через две ступени, уверенно поднимался навстречу, дер-

жа перед собой прямой хеттский меч. Элиль вжался спиной в холодные камни стены. Шаги приближались, сопровождаемые хриплым сопением. Запах пота и крови ударил в нос. Что-то огромное поравнялось с ним. Страх сжал сердце, но не за себя: там, наверху мать и сестры.

Элиль покрепче ухватил рукоять кинжала обеими руками, занес оружие над головой, ударил, вкладывая все силы. Острое лезвие легко вошло в мягкую плоть. Враг взвыл, словно разъяренный бык, хватаясь за плечо. Меч высек искры прямо над головой Элиля. Мальчик пригнулся и ударил второй раз. Кинжал, чуть ли не по самую рукоять вошел в бедро. Враг, припал на ногу, оступился и покатился вниз. Кинжал! Клинок так и остался в бедре противника.

С улицы уже доносились шаги и крики... на хеттском! Элиль метнулся вверх, бросился в свою комнату. Огляделся в поисках какого-нибудь оружия. Подобрал тяжелый меч, и снова – в коридор.

Он столкнулся нос к носу с двумя хеттскими воинами. Один огромный, рыжебородый. Второй поменьше, но такой же крепкий. Элиль заметил: у того, что поменьше, изуродованное лицо и один глаз выбит. Куда ему, десятилетнему мальчишке с ними справиться. Но, он же – мужчина! Он – воин! С рычанием обезумевшего волчонка Элиль бросился в бой... Удар упал в пустоту. Опытный воин легко увернулся от меча и двинул мальчишку кулаком в затылок...

Элиль тяжело приходил в себя. Боль толчками пульсиро-

вала в голове. Он попытался вспомнить вчерашний день. ... Отца пригласил правитель Аласии⁹ для переговоров. Богатый остров славился вином и изысканной керамикой, но нуждался в меди и олове, не хватало строительного леса. Отец снарядил корабль и взял с собой в плавание его, Элиля. Время на острове провели весело: днем за переговорами, вечером за щедрым столом с музыкой и представлениями. На обратном пути корабль застиг шторм. Три дня, как щепку мотало суденышко по волнам. Мачту вместе с парусом снесло и утащило в море. Половину весел похитили пенящиеся волны. Вода по колено стояла в трюме. Утомленные корабельщики не успевали ее вычерпывать. А волны перехлестывали через борт. Отец взмолился богам, прося пощады...

Как они причалили к берегу, Элиль не помнил. Еще на корабле у него открылся жар, сознание помутнело. Он бредил, весь горел, тело бил озноб. Две луны мальчик провалялся в постели, метался в бреду. Жрецы окуривали его травами, заставляли глотать горькие отвары. Лучшие маги и заклинатели бились за его жизнь.

Богиня Астар сжалилась над ребенком. Болезнь отпустила...

Но все это произошло год назад. Неужели он опять заболел? Сознание вновь покидало, рассыпаясь на обрывки воспоминаний, ускользало...

⁹ Аласия (Алашия – название города (соврем. Энгоми) и страны) – важное древнее государство в Восточном Средиземноморье, занимавшее остров Кипр.

...Ему чудилось журчание воды за бортом, мерный плеск весел. Ветер гудел, надувая парус. Запах! Жуткий запах немытых тел, вперемешку с вонью протухшей рыбы. Откуда? Голова тяжелая, словно вылита из черной бронзы. Каждый звук отдавался болью в затылке. Элиль попробовал открыть глаза. Яркий свет обжег, словно пламенем. Элиль застонал.

– Тихо! Не шевелись! – услышал он шепот над самым ухом.

Элиль вновь попытался разомкнуть веки, на этот раз очень осторожно. Что увидел первое: темные от влаги доски, между досками полоски синего неба. Яркое солнце протягивала лучики сквозь щели. Где он? Журчание слышалось отчетливо. Неужели – на корабле? Мерное шлепанье – весла. А этот противный жалобный звук – скрип в уключинах. Как он здесь очутился? Боль в голове не давала сосредоточиться. Он почувствовал, что лежит на голых досках, а голова покоится на чем-то мягком. Над ним склонилось уродливое лицо. Элиль чуть не вскрикнул. Черные волосы слиплись от крови. Борода включена. Под глазами кровоподтеки.

– Не пугайся. Это я – Зоосе.

– Наставник? – изумился Элиль. – Что с твоим лицом? Тебя били?

– Немного досталось, – Зоосе попытался растянуть в улыбке распухшие губы. – Ты сам-то как себя чувствуешь?

– Голова болит, – пожаловался мальчик.

– Да! – вздохнул наставник. – Тебя сильно ударили. Даже подумали, что ты умер.

И тут вернулась память. Нахлынула, как холодная волна через борт. Словно кинжал вонзился в грудь. Элиль вспомнил ночную осаду, он с мечом в руках кинулся защищать мать и сестер... А потом?

– Где отец? – встрепнулся Элиль.

– Не знаю. Там такая сеча была...

– А мать? Сестры?

Зоосе отвернулся, чтобы Элиль не увидел слез.

Превозмогая боль, мальчик приподнялся и сел. Он оглядел низкий трюм корабля. Вокруг сидели и лежали люди в рваной одежде. Взгляды у всех, как у затравленных животных: злоба вперемешку с безысходностью.

– Куда мы плывем? – он тронул за плечо наставника.

– Наверное, в Угарит¹⁰, на невольничий рынок.

– Что произошло?

– Хетты ночью напали на Алалах. Город пал, – горестно ответил наставник.

Теперь Элиль все понял! В Угарите большой невольничий рынок. Рабов привозят морские разбойники после набегов на прибрежные поселения рыбаков. Если где-то идет война, то вереницы пленных тянутся к Угариту. На рынке живых-убитых покупают богачи для полевых работ, торговцы – на корабли гребцами, строители – в каменоломни. У Эли-

¹⁰ Угарит – древний торговый город-государство в Сирии.

ля даже не хватало сил плакать. Неужели теперь ему уготовлена судьба невольника. Теперь он, рожденный свободным, до конца дней проживет с веревкой на шее? Если отец не погиб и сейчас его ищет... А если – погиб? Но не может же он, сын правителя остаток дней прожить рабом! Он – отпрыск благородного хурритского рода, наследник. Нахит, – вспомнил Элиль, – брат отца уехал из города месяц назад и еще не возвращался. Нахит обязательно его разыщет и освободит. Это – его долг чести...

Перед глазами всплыл облик жалких тощих рабов, которые трудились на полях и в каменоломнях. Их, опаленные солнцем, костлявые спины, вечно согнутые, как будто в поклоне. Всегда опущенные бритые головы. У них не было лиц. На лицо раба только иногда обращаешь внимание, если оно изуродовано: вырваны ноздри или обрезаны уши. Неужели его ожидает та же участь? Страшная мысль заставляла холодеть все внутри.

Отец! Где сейчас отец?

Сквозь щели в палубе заглянула красная бородатая рожа. – Твой мальчишка очнулся, – крикнула кому-то рожа отрывисто, по-хеттски.

Отец много рассказывал Элилю о грозных соседях, что живут за Бычьими горами¹¹, о беспощадных завоевателях. Их столица – Хаттуса, выстроенная прямо на скалах и напоминает орлиное гнездо. Нет отважней воинов. Нет армии

¹¹ Бычьи горы – Таврские горы в современной Турции

крепче, чем хеттская. Наставник рассказывал ему о непобедимом лабарне Мурсили, который прошел войной по Аккадии и взял Вечный Вавилон. Были у Хатти времена расцвета, но наступали и времена упадка, когда завистники-соседи разорили страну. Тогда от великой державы осталось только три города: Хаттуса, Арина и Куссара. Но легендарный лабарна Суппилиума из жалкого государства с тремя городами смог превратить Хатти вновь в могущественную и непобедимую державу. Хетты безжалостно мстили соседям. Одно за другим пали: Митанни, Исува, Каски, Керкемиш, Хайясы, Киццуватна, Миллатватна... Теперь разросшейся, окрепшей стране понадобился выход к морю для торговли. Но на Ахеяву, что господствует над западным побережьем, хетты нападать не решались. Не по зубам даже их непобедимому войску приморские города с высокими оборонительными стенами. В чистом поле сражаться – хеттам нет равных. Но осаду вести они не умеют. Основная их сила – тяжелые колесницы, запряженные двойкой коней. Один воин управляет конями и еще двое стреляют из лука при подходе к вражескому строю, а потом берутся за копья. Да еще дышло с острым бронзовым наконечником торчит впереди. Попробуй такую повозку остановить. Она прорубается сквозь строй, давит. Но что толку от колесниц, когда перед тобой высокие стены.

Другая морская страна, Арцава, хоть и подписала вечный мир с Хаттусой, но не спешила открывать для хеттов свои

порты. Хитрый правитель потребовала огромную плату в обмен на дружбу. Тогда Муватилли решил склонить к неравному союзу более слабый Алалах. Вдобавок, через Алалах проходил торговый путь в Приморье. Лабарна Великой Хатти Муватилли решил продолжить дело грозного предка, лабарны Суппилулиумы¹². Тот хотел расширить влияние на земли Приморья, когда-то подчинявшиеся Та-Кемет¹³. Власть в Черной Земле в те времена ослабла при неудачных правителях Эхнейоте¹⁴, Семенхкерэ¹⁵, Тутанхамоне. Победоносный Хармхаб¹⁶ еще как-то навел порядок в Лабане. За ним Сети, мудрый и волевой, подчинил ранее утерянные земли вплоть до города Библа. Иногда, он делал это мягко, дипломатичным путем, иной раз – силой. Небольшие государства, такие, как Амурру, Алепо, Кадеш, Алалах оказались между двух огней. С одной стороны на них давила Хатти, заставляя вступить в союз, с другой стороны угрожала Та-Кемет.

Отец долго вел переговоры с посланником лабарны Муватилли. Правитель Великой Хатти предлагал признать власть

¹² *Суппилулиума I – хеттский правитель, правил приблизительно в 1380 – 1334 годах до н. э*

¹³ *Та-Кемет-Драевний Египет. Буквально Черная Земля.*

¹⁴ *Аменхотеп IV (позднее Эхнатон) – фараон Древнего Египта (1375—1325 гг. до н. э.)*

¹⁵ *Сменхкара – египетский фараон из XVIII династии, преемник Эхнатона и предшественник Тутанхамона*

¹⁶ *Хоремхеб (прав. Хар-ма-ху) – фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1319 – 1292 годах до н. э., последний из XVIII династии*

Хаттусы над Алалахом: подчиниться добровольно. Сулил щедрые награды. Обещал ничем не ограничивать правителя, только принять его наместников, и, в случае войны, ставить войско Алалаха под знамена Великой Хатти. Но отец отказывался, – свобода дороже. Всю историю город Алалах, от самого основания стремился жить вольно. Его подчиняли себе правители Алеппо, Митаннии, Ахеевы, даже как-то он был под владычеством Та-Кемет. Хетты при лабарне Мурсили и при лабарне Суппилиуму захватывали город. Но свободолюбивые жители каждый раз сбрасывали чужое ярмо. И сейчас Алалах не нуждался ни в чьем покровительстве.

Отец Элиля не хотел вступать в союз с хеттами, или принять покровительство Та-Кемет, хотя его брат Нахит, служивший начальником городского войска, страстно уговаривал его принять предложение лабарны Мурсили. Предупреждал, что северные соседи коварны: кто им не подчиняется уговорами, того мечом заставляют.

Вот, они и пришли...

Рыжебородый вновь заглянул в щель. Тяжелая дверца, закрывавшая трюм отлетела в сторону.

– Мальчишка, вылезай! – гаркнул он.

Зоосе крепче прижал к себе Элиля, но мальчик осторожно отстранил наставника: надо идти. Яркое солнце ударило по глазам. Свежий морской ветер обжег лицо солеными брызгами.

– Пошевеливайся!

Сильные руки выдернули его из трюма и швырнули на палубу. Элиль поднялся с колен и огляделся. Он находился на крепком боевом корабле с высокими бортами. С каждой стороны по десять гребцов. Жилистые невольники надрывали спины, вращая весла. Ноги гребцов удерживала бронзовая цепь, надежно прибитая к палубе. Корма загибалась полумесяцем вверх. Коренастый кормчий – этот из вольных – умело управлялся сразу с двумя рулевыми веслами. Нос украшала огромная голова быка, вырезанная из дуба. Длинные рога сияли позолотой. Высокую мачту удерживали прочные канаты. Широкое прямоугольное полотнище паруса надулось пузырем. Под мачтой раскинулся полотняный шатер для хозяина судна.

– Сходи на корму и принеси горячей похлебки, – приказал ему хетт. Всунул в руки тяжелую керамическую миску. – Да пошевеливайся! Тебе еще предстоит напоить гребцов и вымыть палубу.

Элиль безропотно направился к корме. Все вокруг казалось дурным сном. Как же хотелось проснуться. Оказаться в своей комнате в Халентуве. Мать позовет к утренней молитве. Потом на завтрак подадут свежее молоко и горячие лепешки. После они с отцом отправятся на охоту... Но сон не проходил. Невыносимая тоска накатывала ледяной волной.

Он шел, осторожно ступая по нагретым солнцем доскам: старался не наступить на спящих воинов. Час был ранний.

Плечистые, бородатые корабельщики храпели, укутавшись в серы шерстяные плащи, положив под голову круглые деревянные щиты. Над кормой поднимался дымок. Нос защекотал запах разваренного ячменя с мясом. У Элиля скрутило живот с голодухи.

В большом медном чане тлели угли. Над чаном на цепи качался котел. Кашевар колдовал, заправляя похлебку специями. Он облизал большую деревянную ложку, смачно причмокнул, перемазал в густом вареве рыжую бороду и, торчащие дыбом, жесткие усы. Заметив Элиля, недовольно крикнул:

– Чего надо?

Элиль показал миску.

– Кто прислал? Давай!

Кашевар почти до краев наполнил миску похлебкой. Парок вился над густой белесой жижей. Темными островками плавали кусочки мяса. Элиль побрел обратно, глотая слюну и стараясь не смотреть в миску, даже не вдыхать. Живот прилип к спине. Отчаянные мысли сдавливали грудь. Неужели он теперь – раб! Так и будет носить похлебку, драить палубу... Он теперь не человек. Двумногая скотина. Живой-убитый...

Надо бежать! Кинув быстрый взгляд по сторонам, Элиль увидел справа безграничную изумрудную даль, подернутую утренней сизой дымкой, слева чуть заметно темнела неровная полоска берега.

– Скорей неси! Я очень голоден! – торопил его здоровяк.

Элиль подошел вплотную к воину. Тот потянулся за миской. Но мальчик выплеснул горячую кашу ему в лицо. Хетт взвыл, хватаясь за глаза. Элиль метнулся к борту. Он уже готов был проскочить между двух гребцов и с разбегу бултыхнуться в воду, а после пусть попробуют его найти. Он рос на берегу моря, плавал как рыба, мог подолгу находиться под водой без дыхания... Удар по ногам, и беглец растянулся на досках, ободрав колени и разбив нос. Тяжелая ступня придавила его к палубе так, что не вдохнуть. Ребра заскрипели.

– Не тронь! – слышался окрик Зоосе.

Глухой удар. Тяжесть исчезла. Элиль перекатился на спину. Зоосе стоял, широко расставив ноги. В могучих руках он держал кусок обломанного весла. Рядом без движения валялся оглушенный хетт. Драка разбудила моряков. Они окружили наставника. Тот пытался отмахиваться, защищая Элиля. Тяжелый бронзовый топор хрястнул меж лопаток. Зоосе выгнулся, неестественно выпячивая грудь. Обломок весла выпал из рук. Наставник без единого стога свалился замертво.

– Зоосе! – закричал Элиль. Слезы брызнули из глаз. Роднее и ближе человека сейчас не было. И он умирает.

– Держи мальчишку! – Уверенно ступая по палубе мягкими сапогами с загнутыми кверху острыми носами, подошел воин в дорогой ассирийской одежде. Широкие плечи. Ко-

роткая толстая шея. От левой брови через все лицо бледнел уродливый шрам и терялся в густой черной бороде. Вместо левого глаза зияла пустая глазница. Он с холодным безразличием выдернул топор из мертвого тела наставника и коротко бросил: – За борт его. Мальчишку обратно в трюм.

Элиль грохнулся в темноту. Люди, сидевшие вокруг, испуганно поджали ноги. Крышка захлопнулась, поглотив солнечный свет. Там, наверху, на палубе продолжал истощенно выть рыжий бородач с обожженным лицом. Раздался всплеск. У Элиля сжалось сердце. Он понял: в воду выкинули тело наставника. Ярость закипела внутри. Он вскочил на ноги, чуть не треснувшись головой о балку.

– Чего вы сидите? – оглядел мальчик несчастных людей. – Неужели вы хотите стать рабами?

Никто не шевельнулся, даже не взглянул в его сторону.

– Сядь и смирись, – пробасил здоровый мужчина. – Из-за тебя уже погиб человек. Хочешь и нашей смерти?

– Но вас же сделают рабами! На всю жизнь!

– Из рабства можно убежать, – вновь пробасил мужчина, – от смерти – нет.

– Аху, хватит ныть! – раздался сверху грубый окрик одноглазого. – Облейте его рожу холодной водой и смажьте маслом.

– Щенок! Я вспорю ему живот и намотаю кишки на голову! – завывал ошпаренный.

– Только попробуй! Я сам тебе вспорю живот! – утихо-

мирил его одноглазый. – Предупреждал ведь: не тронь мальчишку. Он стоит больше, чем этот корабль вместе с гребцами. Если я не довезу его живым до Угарита, ты всю жизнь будешь со мной расплачиваться! Понял?

– Прости, господин, – заскулил рыжебородый.

Услышав последние слова одноглазого, Элиль совсем сник. Значит, он не просто невольник, он – очень дорогой невольник. Цена – больше чем корабль с гребцами. Сколько это? Если так, то убежать ему не дадут. Но кому его хотят продать? Ничего не оставалось, как только забиться в угол и ждать своей участи.

На рассвете следующего дня смотрящий с носовой площадки крикнул кормчему: впереди устье реки Оронты. Весла зашлепали веселее. Кнут погонщика шипел, рассекая воздух, и чавкал, падая на голые спины гребцов. Вскоре вокруг корабля возник шум неугомонного торгового порта: крики кормчих, стук бортов о причалы, отборная ругань грузчиков. Весла втянули. Судно качнуло, когда борт встретился с пристанью.

Дверца отлетела, и в затхлый трюм хлынул яркий солнечный свет.

– Вылезай! – прозвучала команда.

Невольники зашевелились, стали по одному выбираться из трюма. Когда дошла очередь до Элиля, он высунул голову наружу, но тут же получил удар сапогом в лицо:

– Сиди внутри и не высовывайся, – приказал ему одногла-

зый.

Все пленники покинули корабль. Элиль один остался в вонючем пустом трюме. Он подтянул колени к подбородку, обхватил ноги руками и впал в оцепенение.

– Мальчишка, вылезай!

Дверца открылась. По оранжевому небу с лиловыми облаками Элиль понял, что уже наступил вечер. Одноглазый схватил его за волосы и кинул на колени перед высоким худощавым человеком. Дорогая, расшитая серебряными розетками одежда походила на покрывало жреца. Лицо строгое, надменное с большим носом и густой, завитой мелкими колечками, бородой. Он поднял за подбородок лицо мальчишка холодными холеными пальцами, униженными перстнями, пристально посмотрел в глаза.

– Похож, – кивнул он. – На него похож.

– Он – и есть. Ты мне не веришь? – возмутился одноглазый.

– Верю, – кивнул худощавый, отпустил подбородок Элиля и брезгливо вытер руку о край одежды.

– Цена – как договорились, – напомнил одноглазый.

– Не беспокойся, – заверил его худощавый. – Я держу слово.

– Следи за мальчишкой. Уж больно пряткий, – предупредил хетт.

– Никуда он не денется. Эй! – крикнул жрец слуге, здоровяку с тупым хмурым лицом. – Тащи мальчишку на мой

корабль.

Шея Элиля оказалась в крепкой веревочной петле. Его повели на берег. Шли по грязной набережной, мимо снующих мускулистых грузчиков с ношей на спине, мимо важных толстых торговцев и портовых стражников с дубинами в руках. Никто не обращал внимания на привязанного за шею мальчика. Словно хозяин вел за собой осла.

Кругом, криво возведенные из камня, стены складов, амбаров. За складами на холме белел город. Элиль гостил здесь с отцом у местного правителя. Он помнил роскошный дворец, множество слуг, охоту в пустыне на колесницах. Тогда отец убил льва. Наверняка, начальник стражи его помнит. Вот если бы попробовать сбежать...

– Сюда!

По шатким сходням его привели на широкий торговый корабль. Палуба была заставлена большими глиняными кувшинами, корзинами и кладками мешков. Вдоль бортов дремали гребцы, скованные цепями. Элиля втолкнули в клетку. Сквозь толстые вертикальные прутья из крепкого дерева едва удалось бы просунуть руку. На грязном полу валялись клочья соломы. Остро пахло звериной мочой. Наверняка перевозили львов или леопардов. Стражник приоткрыл дверцу, поставил перед Элилем кружку с водой и бросил кусок черствой лепешки. Сторож проверил, надежно ли засов лег в скобы, ушел отдыхать. Элиль набросился на еду. От голода не чувствовал, как исколол язык засохшим хлебом, уже

с горьким привкусом плесени. Жадно выпил вонючей, теплой воды. Голод чуть затих. Закончив с ужином, Элиль сгреб в угол солому и свернулся на ней калачиком.

Корабль мерно покачивался на волнах, скрежетал бортом о пристань. Небо чернело, пробуждая звезды. Спать не хотелось. Слез не было. Злость сменялась в душе безразличием к происходящему и обреченностью. Элиль взмолился богам. Он перебрал все молитвы. Даже вспомнил заговор старшей сестры. Когда буйствовал за окном Бог Грозы, сотрясая землю, она шептала слова, однажды прочтенные ею в заброшенном храме. Говорила, что заговор оберегает от несчастий. Элиль всегда смеялся над сестрой. Но сейчас и этот заговор пустил в дело:

*Бог Грозы, мой покровитель!
От стрелы твоей загорается могучее дерево,
Скала рушится от голоса твоего!
Но птицу ты не сможешь ранить,
Она невредимая летает перед грозным ликом твоим.
Я – птица! Ты – мой покровитель!*

Элиль долго ждал хоть какого-нибудь знамения. Ничего! Все – впустую. Неужели Боги отвернулись от него?

Он подгрел под себя еще соломы из дальнего угла. Вдруг заметил, что один из прутьев возле самого основания изгрызен острыми зубами. Видать, зверь, которого перевозили в этой клетке, рвался на свободу и пытался перекусить прут.

Элиль ощупал размочаленное дерево. Сердце от радости запрыгало в груди. Если чуть-чуть навалиться, можно выломать. Мальчик тут же уперся в прут ногами и, что есть силы, напряг все тело, даже голова закружилась. Ничего не получалось! Он попробовал еще раз. Показалось, что прут начал поддаваться. Он расслабился, немного передохнул и надавил с новой силой. Раздался сухой треск.

— Что еще там такое? — по палубе зашлепали босые ноги угрюмого слуги.

Элиль тут же свернулся калачиком и притворился спящим. Сторож осветил факелом клетку, проверил засов, прошел дальше. Ничего не обнаружив, выругался и зашлепал обратно. Вновь остановился возле Элиля. Осмотрел клетку еще раз. Мальчик весь сжался. Если заметит сломанную решетку — все пропало. Но боги отвели взгляд стражника.

Когда шаги и сердитое бормотание стихло, Элиль осторожно отогнул прут и попробовал протиснуться в дыру. Голова еле-еле пролезла. Потом плечи. Выдохнув и втянув в себя живот, он, наконец, выбрался наружу. Голова закружилась, как от слабого вина, сердце стучало так, что отдавалось в горле. Неужели — свобода! Он прокрался вдоль кладки кувшинов. У схода двое корабельщиков дремали сидя на палубе, вытянув волосатые ноги. Оба громко храпели. Между ними стоял недопитый кувшин вина и блюдо с фруктами. Элиль, стараясь ступать очень осторожно, подкрался к самым сходням. Он уже оказался между сторожей. Те продол-

жали храпеть. Впереди свобода! Неожиданно мальчик поскользнулся на брошенной кости и чуть не упал. Удержался, но задел ногой кувшин. Сосуд с грохотом перевернулся. Вино расплескалось по палубе. Сторожа встрепенулись. Элиль кинулся на берег.

– Держи! – услышал он за спиной.

Ноги несли сами. Легко огибая кладки мешков и кувшинов, он летел, едва касаясь земли. В город! Там спасение! Из портовой сторожки на крики высунулись сонные охранники. Они попытались поймать мальчишку, но Элиль ловко проскользнул между рук.

В городе темно. Еле различались на фоне неба беленые заборы из глинобитного кирпича. Забрехали собаки. Элиль сообразил, что надо где-нибудь спрятаться и переждать до рассвета. Если он побежит сейчас в город, собаки могут его выдать, а то и набросятся. Прокравшись вдоль забора, он наткнулся на беспорядочную свалку досок и бревен – останки старых кораблей. Не раздумывая, мальчик нырнул в щель между досками и затаился. Вдруг прямо перед ним сверкнули два зеленых глаза. Раздалось угрожающее шипение. Элиль перепугался, чуть ли не до обморока. Отлегло, когда понял, что это кошка. Тем временем лай собак и топот ног приближался. Заметалось пламя факелов. Собаки остановились возле кучи досок, злобно рычали и скребли лапами.

– Гаденыш спрятался в корабельном хламе, – услышал он сторожей. – Собаки его учуяли.

Элиль чуть не заплакал от досады. Попался! Но в это время кошка метнулась из укрытия и помчалась по улице черной тенью. Псы бросились за ней.

– Кошка! – Сторожа посылали ей вслед проклятья.

– Надо обшарить все вокруг, – предложил один из преследователей. Элиль узнал голос угрюмого слуги со звериным тупым лицом.

– Э, нет, – в разговор вступил один из охранников порта. – Ваш беглец – вы его и ловите. А мы, за так, ночью не желаем бегать по городу. К тому же, нам склады надо охранять.

– Пойми же, – взмолился слуга. – Хозяин с нас за мальчишку с живых шкуру снимет.

– А нам-то что? – усмехнулся сторож. – Твоя шкура...

– Хорошо, – сломался слуга. – За мальчишку мешок чечевицы и кувшин масла.

– Еще кувшин вина, – добавил второй портовый сторож.

– И кувшин вина, – согласился слуга, тяжело вздохнув.

Шаги удалились. Свет от факелов пропал. Элиль еще долго прислушивался к ночным звукам. Все – тихо! Завтра он с рассветом найдет начальника охраны правителя. Они с отцом гостили в его просторном белом доме. К Элилю относились, как к маленькому властителю. Все было в его распоряжении: слуги, колесница, повара. Исполнялся любой каприз. А как чудесно проходила охота! Ночь, стремительный бег коней. Колесницы неслись, словно на крыльях. Пылали факела загонщиков. Лай охотничьих псов... и лев: большой,

грозный, с роскошной гривой и огромной пастью. Зверь бесстрашно бросился навстречу охотникам, но с десяток стрел заставили его повалиться набок. Отец соскочил с колесницы и вонзил длинный нож в сердце зверю... Элиль не заметил, как глаза сомкнулись сами собой.

Он вздрогнул, услышав крики молочника, призывавшего ранних хозяек купить свежего молока. Солнечное утро окрасило стены оград и сады за ними в оранжевые тона. Элиль осторожно выглянул из укрытия. Никого! Прислушался. Ничего подозрительного. Мальчик вылез из-под штабеля досок и направился в город, все время, огляды-ваясь по сторонам. Петляя по узким улочкам вдоль каменных заборов, обмазанных глиной, он добрался до богатого квартала, где красовались высокие дома с резными воротами. Улица становилась шире. Мостовая устлана камнями. Наконец перед Элилем вырос дворец правителя: высокий каменный дом в три этажа с красочными колоннами. За кирпичной оградой зелел ухоженный сад. У входа стояли вооруженные стражники с высокими копьями и круглыми щитами.

– Чего тебе надо, заморыш? – строго спросил один из стражников.

– Мне нужен начальник охраны правителя, – смело ответил Элиль.

– Зачем?

– Я сын правителя Алалаха.

– А ну, пошел отсюда, щенок! Я тебе такого сейчас сына

правителя покажу!

Стражник достал из-за пояса плетъ, с намереньем от души про-тянуть ей чумазого мальчишку.

– Остановись! – раздался за спиной Элиля властный голос.

Стражники вытянулись в струнку. Элиль обернулся. Перед ним стоял невысокий человек в короткой воинской одежде. Грудь укрывали латы, сверкая начищенными медными пластинами. Но они служили больше для украшения, нежели для защиты. Из-под расшитой бисером круглой шапочки выбивались черные кудри. Лицо строгое с большим горбатым носом. Борода уложена ровными завитками. Черные пронзительные глаза внимательно изучали мальчика.

– Элиль? – изумленно произнес он. – Почему ты в таком виде.

– Меня похитили, – Элиль узнал начальника стражи правителя Угарита.

– Пойдем в мой дом. Тебе надо вымыться и причесаться. Как ты попал в Угарит?

В светлых покоях с высокими потолками приятно пахло миртом и свежевывделанной кожей. Элилю дали большую кружку молока и пирог с мясом. Мальчик набросился на еду, будто голодный волчонок. После он рассказал все, что с ним приключилось. В конце разрыдался. Его уложили на мягкое ложе, укрыли тонким покрывалом и воскурили у изголовья благовония. Он тут же уснул спокойным счастливым сном...

Его трясли за плечо. Элиль оторвал голову от мягкой теплой подстилки, набитой шерстью козленка, и сел на ложе. Но никак не мог до конца проснуться.

– За тобой пришли, – донесся до него требовательный голос старшего над охраной правителя. Даже слышались нотки нетерпения.

– Ничего! Сейчас он быстро очухается!

Словно холодным ножом резанули по сердцу. Элиль ментально пришел в себя. Перед ним стоял худощавый хозяин корабля в дорогой одежде жреца. За ним скалил зубы угрюмый слуга. Мальчик вскочил и метнулся в угол, но его схватили крепкие руки.

– Ты предал меня! – закричал он в лицо старшего охранника. – Ты предал сына правителя Алалаха!

– Прости, но сейчас ты не сын правителя Алалаха, – брезгливо развел руками старший охранник. – Ты – товар. Тебя покупают и продают.

– Ответишь за это! Отец убьет тебя! – продолжал кричать Элиль.

– Отец... Где он? – Старший охранник повернулся к худощавому. – Как договорились...

– Разве я смею обманывать столь благородного человека, – расшаркался тот перед ним. – Пришлю лучшее ароматное масло, привезенное из самой Та-Кемет.

Его вновь бросили в ту же клетку. Только на этот раз проверили все жерди. Вместо сломанной стояла новая, крепкая.

Да и бежать не было смысла: корабль отчалил, поймав попутный ветер. На Элиля навалилась невыносимая тоска! Захотелось лишь поскорее умереть. Был бы нож, он вскрыл бы вены. Тогда пусть, что хотят, то и делают с его телом. Душу никто не удержит в клетке. Обида на весь мир давила, словно тяжелый камень, брошенный на грудь. Его подло предали! Он больше не сын правителя, не сын воина, даже не человек, он – товар, невольник, хуже, чем скотина. Слезы лились из глаз, а губы сами шептали:

*Бог Грозы, мой покровитель!
От стрелы твоей загорается могучее дерево,
Скала рушится от голоса твоего!
Но птицу ты не сможешь ранить,
Она невредимая летает перед грозным ликом твоим.
Я – птица! Ты – мой покровитель!*

В рабстве

В конце пути корабль вошел в порт торгового города Тира¹⁷. Тихую бухту полукольцом охватили скалистые серые берега, защищая от штормов. Сам город раскинулся на большом острове, вытянутом с севера на юг. Город богатый, с добротными белокаменными домами и тенистыми садами. От материка остров отделял пролив в несколько сотен шагов. А на самом материке через пролив располагался другой город – Ушу, такой же шумный, но грязный и бедный.

Корабль стал под разгрузку. Смуглые грузчики столпились возле сходен, готовые приступить к работе. Они громко и очень быстро говорили, при этом усиленно жестикулировали руками. Наконец, поторговавшись, согласились с оплатой и принялись за работу.

Для хозяина судна подали носилки с полотняным навесом от солнца. Жрец устроился на удобном низеньком сиденье. Четверо слуг водрузили носилки на плечи и плавно зашагали, неся драгоценный груз.

Косолапый угрюмый стражник шел следом. Волосатая рука крепко держала конец веревки. Другой конец петель да-

¹⁷ Тир (от финикийск. «Цор» – скалистый остров) – знаменитый финикийский город, один из древнейших крупных торговых центров. Находился на территории современного Ливана, провинция Аль-Джануб («Южный Ливан»). В настоящее время – город Сур.

вил шею Элиля. Они пробирались по людным шумным улицам. Навстречу спешили горожанки в пестрых нарядах с кувшинами или плетеными корзинами на головах, грациозно покачивая бедрами. Некоторые держали за руку нарядных детей. Холеные мужчины с аккуратно подстриженными бородками вели приятную беседу в тени раскидистых деревьев, попивая при этом вино. Важные торговцы подгоняли ослов с поклажей.

Торговцы с почтением кланялись господину в носилках. Горожанки снимали ношу с головы, просили благословения. Мужчины бросали беседу, вино и подходили ближе, желали счастья и здоровья жрецу.

Элиль плелся сзади с веревкой на шее, как скотина. Вокруг красивый, белый город, обласканный солнцем и просоленным морским ветром. Элиль с первого же взгляда его возненавидел. Возненавидел этих праздных довольных людей с масляными рожами, эти дома из светлого песчаника. Даже солнце казалось чужим и неприветливым.

У крыльца большого дома с колоннами ожидала целая толпа слуг. Все бросились помогать хозяину выйти из носилок. Так голодные псы с радостным визгом выплывают перед охотником.

Элиля отвели в грязный двор, обнесенный каменным забором. В дальнем углу теснились низенькие лачуги, сложенные из булыжника и покрытые сверху потемневшей от времени соломой. Толстый неряшливый надсмотрщик схватил

широкой пятерней его за волосы, так что слезы выступили, толкнул в одну из лачуг. Элиль пролетел несколько шагов и ввалился внутрь, растянувшись на земляном полу. Пахло немытыми телами и мочой. Он поднял голову. У стен дощатые нары, устланные старыми грубыми циновками. На нарах сидели трое мальчиков, чуть помладше Элиля. Они с испугом глядели на него. Одежды на них никакой не было, кроме набедренных повязок. Но выглядели они упитанными. Элиль поднялся с земли, отошел в угол, уселся на корточки. Мальчики не отводили от него взгляда. В глазах страх, больше того – привычка к страху и унижению.

– Чего тарашитесь? – зло буркнул Элиль.

– Ты будешь петь в хоре или просить подаяние? – спросил один из них звонким дрожащим голосом.

– Где я нахожусь? И кто вы такие? – грубо спросил Элиль.

– Мы принадлежим храму великого бога Мелькарта¹⁸. И ты теперь будешь среди его служителей, – объяснил ему другой мальчишка.

– Служителем храма? – не понял Элиль. – Это что – жрецом?

– Нет, не жрецом – служителем, – начали они ему объяснять, чуть осмелев. – Жрецы вольные. А служители – рабы. Мы поем в хоре, удовлетворяем похоти заезжих моряков

¹⁸ Мелькарт, Меликэрт (финикийское *Milk-Qart*, «царь города») – в финикийской религии и мифологии – бог-покровитель мореплавания и города Тира. Почитался в Тире и Фасосе.

или просит подавание на торжищах. Тебя, наверное, поставят в хор петь гимны.

– Не буду я ничего делать, – огрызнулся Элиль.

– Тогда тебя заставят, – последовал ответ, полный безнадежного смирения.

К нему обращались, как к глупому малышу. Это начинало злить.

– А вы что делаете? Поете? Голосочки у вас тоненькие, как у девчонок.

– Когда тебя оскоят, тоже голос будет тонкий, – печально произнес самый младший из них.

До Элиля стало доходить, о каких служителях идет речь. От заезжих торговцев он слышал о хорах, поющих чарующими небесными голосами в храмах хананеев. Жрецы скупают на невольничьих рынках мальчиков с красивыми голосами и кастрируют их.

– Лучше смирись, иначе тебя принесут в жертву на празднике Ваала, – увещевал самый младший мягко. От его слов веяло полной безысходностью.

– В жертву? – Элилю стало не по себе. О человеческих жертвоприношениях он тоже слышал. – Здесь что, режут на истанане¹⁹ людей, как баранов?

– Нет, не режут – сжигают, – был ответ. – Во чреве Бога Баала²⁰.

¹⁹ Истанана – алтарь для жертвоприношений.

²⁰ Баал – «бог, благой, владыка, великий», «хозяин, Господь или господин» – во-

– Живьем?

– Да. В праздник Баала, дабы умиловить грозного бога, ему преподносят младенцев. Матери приносят своих первенцев. Сгорев, они попадают в поля блаженства и присоединяются к свите Баала. Иногда от храма жертвуют детей-невольников, чтобы те прислуживали спутникам Бога.

Внутри все сдавило! Вот куда он попал! Вот какая участь его ожидает: сгореть живьем или быть кастрированным. Лучше уж сгореть. А еще лучше – бежать отсюда, да как можно быстрее. Элиль решил: сейчас он ни о чем не будет думать и хорошенько выпится. Нужны силы для побега. Все равно – он сбежит!

Чуть свет, во дворе грозно проревел голос надсмотрщика. Дети испуганно вскочили с нар и выбежали во двор. Элиль последовал за ними. Всего рабов-мальчиков оказалось человек восемь. В соседнем домике, жили пятеро юношей разного возраста, так же оскопленных. Выстроившись полукругом, певцы затянули гимн богу Мелькарту. Голоса звучали чисто, добираясь до самых высоких нот. После восхваления Мелькарта, старший из певцов рассадил мальчишек за длинный стол, грубо сколоченный из необструганных досок. Перед каждым рабом поставил кособокую глиняную миску и такую же уродливую кружку. Завтрак состоял

обще является эпитетом «бог, владыка» для разных богов у древних западных семитов. Также являлся божеством в ассииро-вавилонской этнокультуре, почитавшийся в Финикии, Ханаане и Сирии как громовержец, бог плодородия, вод, войны, неба, солнца и прочего.

из ячменного варева и большого куска рыбы. Были еще подгнившие фрукты. Кормили невольников хорошо, ведь они должны выглядеть пухленькими и румяными, чтобы завлекать моряков.

После завтрака старшие отправились в порт зарабатывать, выпрашивая подаяния. Младшие выстроились во дворе и тренировали голос. Распевались поодному, затем пробовали хором. За каждую фальшивую ноту получали удар палкой от наставника – злого сгорбленного старика в засаленной серой одежде.

– Неплохо! – во дворе появился толстяк лет тридцати в дорогой пурпурной накидке. Невысокая тиара сверкала стеклянными бусинками. Черная борода тщательно завита мелкими колечками. Мягкие кожаные сапожки с загнутыми острыми носами нежно поскрипывали при каждом шаге. Он принес с собой тонкий аромат притираний.

Надсмотрщик, учтиво поклонился, попросив благословения. Рабы тут же попадали на колени, уткнувшись лицами в землю.

– Я зашел пожелать моему брату хорошего дня. Но главного жреца бога Мелькарта не оказалось дома, – недовольно пробурчал толстяк, потрясая завитой бородкой.

– Господин отбыл по делам, – сообщил надсмотрщик. – Он обещал вернуться через несколько дней.

– Все-то у него тайные дела, – рассердился толстяк. – А ты, – обратился он к горбатому наставнику, – репетируешь

хор? Давай, продолжай. Я послушаю. У меня слух отменный.

Мальчики вновь принялись распеваться. Толстяк важно кивал, когда ему нравился голос. Недовольно хмурился, услышав фальши-вую нотку.

— А этот, почему бездельничает? — строго спросил он, указав на Элиля. Мальчик только что управился с грязной посудой и присел отдохнуть. — Если заморыш не певец, то пусть отправляется в храм просить милостыню.

Надсмотрщик начал что-то объяснять вполголоса на ухо толстяку.

— Ты говоришь правду? — толстяк недовольно поморщился, словно надкусил червивое яблоко. — Мой брат опять затеял какое-то дело втихую. Почему об этом не знают ни я, ни другие жрецы из касты? Отдать столько золота за этого дохляка... Откуда привезли мальчишку? Кто он, ты знаешь? — надвинулся он на надсмотрщика.

Тот только пожал плечами.

— Пусть дохляк поет. Я хочу послушать, на что способен его голос, — потребовал он.

— Сюда! — крикнул надсмотрщик Элилю.

Мальчик подошел. Рядом с ним поставили другого, из хора. Тот взял чисто высокую ноту.

— Теперь ты, — толстяк приготовился слушать, сложив холёные белые руки с пухлыми пальчиками на животике.

Элиль фальшиво проскулил, и тут же получил обжигающий удар палкой по спине. Удар отразился злостью в душе.

Он привык за оскорбление отвечать.

– Еще раз, – приказал толстяк.

Элиль проблеял, как козел. У толстяка глаза округлились от гнева. Элиль отскочил в сторону. Палка просвистела возле самого плеча. Он быстро нагнулся, схватил горсть песка и бросил прямо в глаза надсмотрщику. Тот отшвырнул палку и попытался кулаками протереть глаза. Элиль ударил его головой в живот так, что шея у самого хрустнула. Надсмотрщик коротко крикнул и сел на землю, разевал рот, не в силах вздохнуть.

На крики толстяка прибежали двое крепких слуг. Элиля избили и бросили в яму для наказаний, что находилась в углу двора. Сверху прикрыли деревянной решеткой. Тело пылало от побоев, но боли он не чувствовал. Один глаз совсем заплыл. Во рту соленый привкус крови. Ничего! Он вспомнил, как учил его отец: если потерпел поражение, тут же про него забудь, – помни только победы.

– Сегодня же его оскопить! – слышался сверху сердитый визг толстяка.

– О, мудрейший прорицатель Астарим, первый жрец бога Мелькарта запретил нам даже прикасаться к мальчишке, – попытался возразить надсмотрщик.

– Наплевать, что там приказал мой брат. Я – главный прорицатель и первый жрец Баала-Хамона хочу, чтобы мальчишка пел в моем хоре и обслуживал похоти прихожан. Коль на его покупку ушло столько золота – пусть отрабатывает.

Хор продолжал распеваться. В яме от сырости Элиль начал мерзнуть. Солнечный свет сюда не проникал. Чтобы хоть как-то согреться, он свернулся калачиком на земляном полу и твердил про себя:

*Бог Грозы, мой покровитель!
От стрелы твоей загорается могучее дерево,
Скала рушится от голоса твоего!
Но птицу ты не сможешь ранить,
Она невредимая летает перед грозным ликом твоим.
Я – птица! Ты – мой покровитель!*

Где же отец? Жива ли мать и сестры? Знает ли Нахит, что он в плену?

Элиль очнулся, когда на него выплеснули ведро воды. В яму упала деревянная лестница.

– Вылезай, щенок! – орал сверху надсмотрщик пьяным голосом.

Элиль поднялся по скрипучим перекладинам. Тут же получил хорошую затрещину, покатился по земле.

– Я тебя научу быть покорным, – ругался надсмотрщик заплетающим языком. Он был пьян и еле стоял на ногах. – Чуть не ослепил меня, щенок! Поднимайся! Тебя ждет нож жреца. Сейчас тебе отрежут все лишнее, и ты станешь девчонкой.

Надсмотрщик схватил его за волосы и попытался поднять с земли. Элиль резко вскочил, вывернулся и ударил пят-

кой под колени сторожа. Тот неловко покачнулся, оступился и полетел в яму.

Элиль бросился бежать. Но куда? Из двора вела единственная дверь. За дверью сад, примыкающий к дому хозяина. В саду злющие сторожевые псы. Забор высокий, через него не перемахнуть. Мальчик попытался вскарабкаться на гребень стены, ломая ногти, цепляясь за скользкие камни. Еще одно усилие, и рука коснулась верха. Но тут его крепко схватили за ногу и безжалостно сдернули вниз.

Элиля опять били так, что дыхание перехватило и зазвенело в ушах. Затем отволокли в темный подвал и посадили в клетку. Мучители ушли, оставив мальчика одного в темноте. В подземелье стоял тяжелый дух, как будто здесь хранили плохо выделанные шкуры животных. Элиль ощупал клеть. Небольшая, всего размером три на три локтя. Можно улечься только свернувшись. Прутья надежные, из прочного дерева.

Вдруг он почувствовал, что в подземелье не один. По каменному полу зацокали когти. Страх заставил волосы встали дыбом. Над ухом раздалось рычание. Он отпрянул в противоположный угол, но тут же рядом клацнули зубы. Элиль заметался по клетке. Со всех сторон сквозь решетку его пытались достать острые клыки. Кругом раздавалось голодное тьяканье. Из пастей шел смрад. Элиль чуть не сошел с ума, оказавшись один в темноте, в окружении злобных голодных чудовищ.

Он закрутился, затем замер в центре клетки, готовый умереть от страха, а кругом сверкали глаза, клацали зубы, скребли когти. Элиль старался не упасть в обморок. Сами собой на ум пришли слова молитвы Богу Грозы. Та молитва, которая всегда оберегала его, с самого рождения, которую он выучил, едва научившись говорить. Если ночью с неба срывались ослепительные молнии, а гром сотрясал горы, мать поднимала с постели детей и заставляла вызывать к Богу Грозы.

Элиль молился страстно и самозабвенно. Просил, чтобы Бог Грозы даровал ему мужество и силы. Богу – и только ему принадлежит жизнь и мысли Элиля. Он признает в нем своего покровителя и защитника. Готов умереть с именем Бога Грозы на устах.

И Небесный Покровитель его услышал. Со словами молитвы страх постепенно проходил. Элиль осознал, что сидит в надежной клетке. Гиены его не достанут. Да, это были гиены. Он распознал этих мерзких зверей по отвратительному запаху и еще более отвратительному злобному хихиканью. Рука нащупала в полу небольшую трещинку. Элиль подцепил ногтями и выкорчевал небольшой плоский камень с острой кромкой.

Гиена просунула половину морды и яростно грызла решетку. Элиль, что есть сил, саданул камнем по носу твари. Гиена громко жалобно заорала и отпрянула. На нее тут же набросились голодные сородичи и растерзали. Воодушевившись успехом, он врезал еще одной, и точно по носу. Ее по-

стигла та же участь.

Вскоре звери поняли, что мальчишку не достать, и успокоились. Куда-то ушли, злобно огрызаясь. Но Элиль еще долго прислушивался к темноте, крепко сжимая в руке окровавленное оружие.

Сколько прошло времени, он не ведал, может два дня, может три. Тюремщики его не навещали. Иногда приходили гиены, принюхи-вались, рычали, но боялись близко подойти к решетке. Мальчик не расставался с острым камнем, так и продолжал сжимать его в руках. Силы совсем покинули Элиля. Ужасно хотелось пить. Язык опух. Во рту сухо. Живот болел от голода. От усталости сознание иногда ускользало. Элиль проваливался в черную дремоту, бился головой о прутья решетки и тут же вскакивал. В мгновение беспмятства ему чудилось, что гиены разгрызают прутья и кидаются на него. Он вскрикивал, отмахивался, но поняв, что все еще окружен надежной клетью, успокаивался.

Элиль думал, что бредит – перед глазами мешались грезы с реальностью. Яркий свет прорвался откуда-то сверху. Клетка отварилась. Его подхватили под руки и понесли. Камень выпал. Он хотел его подобрать – единственное оружие – но сил совсем не было. Несли долго. Ноги безвольно волочились по земле, бились о ступени. Обмякшее тело кинули на кучу соломы. Насильно разжали рот и влили воющую воды. Элиль жадно глотнул, чуть не подавился. Все вокруг плыло. Звуки доносились гулко, словно голову замо-

тали плотной тканью. Перед глазами низкий прокопченный потолок. Факела чадили едким дымом. Пахло застоялой водой и щелоком.

Он увидел, как мимо него повели юношу в соседнюю комнату. Юноша упирался, плакал. Раздался истошный крик и грубая ругань. Двое здоровых жрецов кинули юношу рядом на солому. Он весь скукожился и держался за низ живота. Из горла исходил жуткий хрип.

– Тащи мальчишку!

Элиль понял, что говорят о нем. Жрецы оторвали его от пола. Сил сопротивляться не осталось, даже крик замер где-то внутри. Его разложили на деревянном столе, ремнями надежно привязали руки и ноги. Он видел перед собой ничего не выражающие каменные лица. Жрецы делали свою работу, как пастухи остригают овец. Один из них с огромными волосатыми ручищами раскалил на огне масляного светильника острый нож.

– Может, вырубить мальчишку? – предложил его напарник. – Как бы, не помер от боли. И без того еле дышит. Тресну я его слегка дубинкой по затылку.

– Помрет – не наше дело, – безразлично ответил его подельник. Решив, что нож достаточно накалился, он повернулся к столу, готовый приступить к делу.

Элиль зажмурился и приготовился к самому ужасному.

– Остановитесь! – в комнату кто-то вбежал и дрожащим от страха голосом закричал: – Хозяин ищет мальчишку. Он

в гнев. Грозится жестоко наказать всех без разбора.

— А мы — чего? — перепугались жрецы. — Нам первый прорицатель Баала, Астарим приказал...

— Отвязывайте его скорее! Шевелитесь, если не хотите милостыню просить в порту.

Элиль не выдержал и потерял сознание.

В очередной раз он очнулся от дуновения свежего ветерка. Сквозь входной проем поглядывали желтые лучики солнца, освещая убогое жилище. Он лежал на нарах, в той самой хижине, в которую его определили в первый день. Элиль попытался привстать, но тело пронзила острая боль. Боль отдалась везде: в шее, в груди, в голове, в животе. Элиль осторожно сжал и разжал кулак на правой руке, затем на левой. Руки целы. Подергал ногами — и ноги в порядке. Ныла спина, дергалась шея. Он вновь вспомнил слова отца: если больно — значит жив.

Во дворе упражнялись певцы. Долго и нудно вытягивали ноты, разучивали гимны, получали затрешины от наставника — все как обычно. Один из кастратов вошел в хижину, увидел, что Элиль лежит с открытыми глазами, тут же выбежал. Вскоре он вновь вернулся с глиняной миской и деревянной ложкой. Невольник встал на колени возле Элиля. Зачерпнул из миски пахнущую рыбой жижу и попытался накормить его. Бульон обжег разбитые губы. Но вскоре в животе забурлило приятное тепло.

После того, как миска опустела, кастрат участливо улыб-

нулся.

– Я могу попросить для тебя фруктов.

– Не надо, – буркнул Элиль, еле разжав рот. – Как тебя зовут.

– Гуле, – просто ответил мальчик.

– Ты откуда.

Он печально отвел глаза.

– Какая разница: откуда я и кто мои родители. Все было в той, забытой жизни. Теперь я Гуле – невольник и певец из храма Мелькарта.

– Давно здесь?

– Давно.

– Ты не пробовал бежать? – неожиданно спросил Элиль.

– Куда? – мальчик печально улыбнулся. – Город находится на острове. Даже если удастся переправиться на материк... что потом? Поймают стражники, избьют и вернут в храм – это в лучшем случае. В худшем – продадут в каменоломни. Там долго не проживешь. А при храме кормят хорошо и не бьют до полусмерти.

Он безнадежно вздохнул.

– А остальные певцы откуда? – поинтересовался Элиль.

– Со всего света. Здесь есть те, кого родители сами продали за долги, кого пленили кочевники во время набегов...

– А тебя?

– Я плохо помню. Совсем маленький был. Жил с матерью и братьями где-то на берегу моря. Помню, все время

хотелось есть. Отец был рыбаком, а может сплавщиком леса. Я собирал красивые ракушки возле воды, когда пристал корабль. Меня заманили на борт медом диких пчел, да так и увезли.

– И кто хозяин?

– Хозяин, – Гуле опасно покосился на вход и понизил голос, – первый жрец Бога Мелькарта и племянник самого правителя. Храм принадлежит ему. И все, что в храме, тоже принадлежит ему. Он платит правителю большую дань, но и позволено ему многое. В материковом городе Ушу он владеет частью городского рынка. В порту у хозяина свои пристани и склады. Только через храм Мелькарта разрешено торговать рабами. – Гуле натянуто улыбнулся. – Но наш хозяин добрый и справедливый.

Элилю так и захотелось хорошенько врезать по пухленькой роже кастрата. Тоже, нашел добренького хозяина! Он людьми торгует, да на детях зарабатывает...

– А этот толстый, что приказал меня в яму посадить – он кто?

Глаза Гуле округлились от страха.

– Первый жрец Баала-Хамона. Он, так же, племянник правителя и сводный брат нашего хозяина. – Кастрат перешел на шепот. – Они не любят друг друга и часто ссорятся.

– Что это за бог Баал-Хамон?

– Подземного огня, гроз и ураганов. Если его не задабривать жертвоприношениями, он может наслать болезни или

неурожай, а то и орды кочевников приведет из пустыни.

Гуле отставил в сторону миску и влажной чистой тряпочкой очень осторожно протер Элилю распухшее лицо.

– И как смиряют гнев Баала? Неужели это правда: ему приносят людей?

Гуле печально вздохнул.

– На празднике в честь бога сжигают младенцев. Если младенцев мало, то в жертву идут дети-невольники. Меня когда-то тоже хотели принести в жертву Баал-Хамону. Спас голос. Он у меня звонкий и чистый, как ручеек в горах. Сожгли другого. Он спал на твоём месте.

Элиля всего передернуло. Однажды он слышал разговор: Нахит рассказывал отцу, как побывал в Угарите на празднике Бала. Дядька пришел в ужас, когда увидел обряд сжигания младенцев. Но Элилю казалось: все эти рассказы – лишь страшилки для непослушных детей. Оказывается – правда.

– Богу Мелькарту тоже приносят в жертву младенцев?

– Нет, – успокоил его Гуле, но тут же поправил: – Не часто. Ему жертвуют вино, фрукты, якорные камни и кровь птиц.

– Кровь птиц? – переспросил Элиль.

– Да. Этот обряд окропления кровью птиц острова возник с появлением города. Когда-то в давние времена богиня Иштар²¹ нашла здесь упавшую звезду. Она чудесным обра-

²¹ *Иштар* (*Истар*, ивр. *Ашторет*, др.-греч. *Астарт*; *Ануит*, *Нана*, *Инана*) – в аккадской мифологии – богиня плодородия и плотской любви, войны и распри, астральное божество, олицетворение планеты Венера; ассоциируется с пятницей. Соответствует шумерской *Инанне*. *Иштар* считалась покровительницей

зом зачала и родила на острове бога Мелькарта. Сам остров плавал по морю, как бревно. Его видели то возле Аласии, то возле Библа, иногда мореходы натыкались на него далеко в открытом море. Иштар отдала ребенка на воспитание хананеям. Бог Мелькарт жил среди кочевников. Он научил их строить корабли и пересекать моря. Однажды Мелькарт решил найти остров, где родился и приказал хананеям разыскать его. Остров нашли. Мелькарт взошел на берег и увидел на самой вершине орла, боровшегося со змеей. Как раз на том месте, где теперь стоит храм. Бог Мелькарт изловил орла и принес его в жертву острову. Как только кровь птицы упала на камни, так сразу остров врос в дно и больше не двигался. Теперь и ты принадлежишь богу Мелькарту, – с натянутой улыбкой закончил Гуле.

– Я – хуррит. У меня свой Бог, – огрызнулся Элиль.

– Ты не хуррит. Ты – раб, – попытался внушить ему Гуле.

Ох, были бы силы, развернулся и как дал бы ему в глаз! Но сил совсем не осталось. Да и не хотелось спорить с этим жалким существом. Элиль отвернулся к стенке, лишь бы не видеть пухлую румяную мордочку кастрата.

– Не переживай, – пожалел его Гуле. – Сначала все страдают, мучаются, но постепенно привыкают. При храме служить рабом – не так уж плохо. Вот, в полях или на каменоломнях... а еще хуже на кораблях, прикованным к палубе.

– А вы только поете? – не глядя на него, спросил Элиль.

– Поем, выпрашиваем подаяние, иногда нас продают для потех. Но такое случается редко. В основном телом торгуют жрицы из храма богини Иштар и мальчишки из храма Баала-Хамона. Тебя первый жрец не разрешил скопить. Возможно, будешь охранником храма – тоже должность хорошая и сытная.

Элилю совсем стало противно его слушать, а Гуле продолжал объяснять:

– Тебя не затравили гиенами, хотя обвиняли в смерти надзирателя.

– Какой смерти? – встрепнулся Элиль.

– Наш надзиратель упал в яму, когда тебя вытаскивал и сломал шею. Говорят, это ты его толкнул.

Элиль вспомнил, как полетел вниз пьяного сторожа. Он тогда не обратил внимания, что тот шмякнулся на дно и затих: не кричал, не ругался...

Ему это припомнят... Надо бежать!

– Как можно добраться до материка? – Элиль вновь повернулся к мальчишке.

– Нам – никак, – покачал головой Гуле. – Только на крепкой лодке. В проливе всегда большие волны. Даже хороший пловец не дотянет до берега. Но, кто тебе даст лодку? Забудь о побеге. Тебя все равно поймут и вернут в храм. За поимку беглых рабов дают хорошее вознаграждение.

Гуле медленно поднялся, прижал к груди пустую миску и мелкими неуверенными шажками вышел. Элиля передер-

нуло: неужели и из него сделают такое же кроткое бесполое животное? Ну – нет!

Дней через пять Элиль поправился. Зажило все, как на волке. Как только смог ходить, ему дали работу: мыть посуду и убирать жилища. Петь больше не заставляли, да и слуха не было. Били редко, и наказывали не часто. Так, иногда в яму посадят на полдня.

Однажды его заставили задать корма ослам. Сторож храма, однорукий старик из бывших воинов вручил ему пузатый глиняный кувшин, наполненный зерном. Приказал идти на задний двор, где размещались сараи для скота. Ослы приветствовали мальчика протяжным «И-А!», бесцеремонно лезли мордами в кувшин. Пока он кормил животных, старик привалился к стволу сикоморы и захрапел, разинув рот с редкими желтыми зубами.

– Это он! – услышал Элиль у себя за спиной.

Мальчик осторожно оглянулся. Высокая стена из булыжника и густые заросли винограда скрывали людей, что стояли сверху. Но Элиль чувствовал: на него в упор смотрят две пары глаз.

– Я вижу! – ответил собеседник недовольно, Элилю показалось, с нескрываемой злобой.

Говорили тихо. Думали, что мальчик их не слышит. Но он обладал острым слухом.

– Мое предложение вполне приемлемо для тебя. У меня надежное укрытие. А с этого момента его будут стеречь, как

золотую статую Мелькарта.

Одного говорившего Элиль узнал – старший жрец бога Мелькарта. Но кто второй? Выговор – хурритский. Речь шла – явно о нем. Хотят перепродать?

– Может, чуть сбавишь цену. – Голос до боли знакомым. Но кто говорил, Элиль никак не мог припомнить. – Или я один раз заплачу много.

– Много заплатишь за что?

– За камень на его шее. За утес, с которого он должен упасть в воду.

Элиля пробрала нервная дрожь. Незнакомец совсем не хочет его покупать, он готов заплатить за его смерть. Но кого он так прогневал?

– Зачем я буду рубить дерево, которое приносит сочные плоды? – усмехнулся первый жрец Мелькарта, и холодно добавил: – Не вздумай подкупать моих слуг. Никто не посмеет поднять руку на мальчишку. Здесь, на острове все принадлежит мне.

– У меня нет выбора. Я согласен на твои условия, – сдался собеседник после долгой паузы.

Элиль услышал удаляющиеся шаги. Он бросил кувшин с зерном и кошкой взобрался на стену, цепляясь за виноградную лозу. Раздвинув листву, увидел двух мужчин, удаляющихся по дорожке сада. Один из них – первый жрец Мелькарта. Но второй... Дыхание перехватило. Второй, без сомнения, – Нахит, брат отца. Первая мысль возникла радост-

ная: дядя нашел его и приехал выкупить! Элиль хотел окликнуть его: закричать, что есть мочи, бежать вслед, догнать, броситься в объятия... Наконец его освободят. Но крик застрял в горле. Он вспомнил слова, только что им услышанные: «Много заплатишь за что? – и ответ: – За камень на его шее...» Зачем Нахит хотел его смерти? Нет, этого не может быть! Он ослышался! Ведь они из одного рода! Одной крови! Тем временем сад опустел. Сторожевой пес, оскалив зубы, бросился на мальчика. Элиль свалился обратно во двор. Больно ушиб локоть.

Несколько дней Элиль ждал хоть каких-нибудь вестей. Он не мог обознаться. Он видел Нахита. Значит, дядька жив и приплыл за ним. Но его просьба утопить Элиля никак не укладывалась в голове. За что Нахит может ненавидеть его? Сердце бешено заколотилось, когда вечером в конуру заглянул однорукий старик сторож и поманил его:

– К хозяину. Живее! Первый жрец не любит ждать.

Голова налилась кровью. Дыхания не хватало. Неужели дядя его выкупил! Неужели он свободен и скоро покинет этот ненавистный остров, забудет все, как ужасный сон...

Первый жрец сидел в чистых светлых покоях на высоком резном стуле. Пурпурная одежда, скроенная из дорогой ткани, сверкала серебряным шитьем. Из-под длинного подола выглядывали острые носки кожаных сапог. Высокая круглая тиара с божественными символами венчала голову. Борода расчесана и уложена ровными завитками.

– На колени! – надсмотрщик толкнул мальчика в спину. Элиль упал на четвереньки, уткнувшись носом в острые концы сапог хозяина.

Когда он поднял голову, то почувствовал холодный взгляд черных безжалостных глаз из-под густых нависших бровей.

– Слушай меня внимательно! – очень тихо на чистом хурритском языке сказал жрец. – Теперь ты будешь жить в хорошем доме. Тебя будут сытно кормить и чисто одевать. Ты должен все время молчать, как будто тебе отрезали язык. Делать только то, что тебе прикажу я. Забудь, кем ты был до сего дня. Теперь ты – младший жрец. Кто твои родители – не знаешь. Откуда ты родом – не помнишь. Если хоть кому-то: птичке или мышке проронишь слово о Алалахе – лизнешь раскаленный нож. После этого год не сможешь говорить. А будешь себя плохо вести, отправишься в подвал с гиенами. Вздумаешь бежать, тебе переломают пальцы на ногах.

Надежда на свободу померкла, словно в горячий очаг плеснули ведро холодной воды. Значит, дядька его не выкупил. Он остается рабом. Вдобавок должен забыть родину и имя. Слезы едва не выступили на глазах.

– Ваше святейшество! – в двери возник угрюмый слуга. – Вас хочет видеть первый жрец Баала-Хамона.

– Где он? – поморщился хозяин.

– У порога.

– Пусть войдет, – подумав, нехотя разрешил первый жрец Мелькарта. – Нельзя заставлять ждать первого жреца Баа-

ла-Хамона. — Он медленно и величественно поднялся со стула, как будто вырос. — Мальчишку спрячь! — указал первый жрец Мелькарта сторожу на дверь справа.

Однорукий подхватил Элиля с пола и впахнул в темный боковой проход, где пахло специями и старым вином. Дальше по проходу виднелась кухня. Толстый повар грохотал посудой, колдуя над горшками и жаровнями. Аппетитно потянуло жареной уткой в специях. Сторож жадно сглотнул слюну.

— Сиди здесь, — строго приказал он и направился на запах, как замороженный.

Элиль остался один. Он опустился на корточки, прислушался.

— Да благословен пусть будет дом твой! — услышал он за дверью. Створка закрылась неплотно, и Элиль в щель разглядел того надменного толстяка, что приказал избить его, а затем хотел оскопить.

— Пусть Боги всегда простирают над тобой длань и защищают от бед, — сухо ответил хозяин.

— Как сплавал в Библ? — спросил толстяк, как бы невзначай.

— Удачно. Очень удачно, — ответил хозяин, как бы: не твое дело.

— Я видел, на твоём корабле новый парус и новые весла. Хорошо прошла торговля? Что продал?

— Я служу Мелькарту, прежде всего, — напомнил ему хо-

зьяин. – Я жрец, а не торговец.

Они походили на двух кобелей, которые ходят кругом и нюхают друг у друга под хвостом.

– Неужели? – Толстяк ехидно хохотнул. – Но почему ты так холодно встречаешь своего брата? Не предлагаешь вина, угощений?

– Мне не направится, что ты в мое отсутствие появляешься в моем доме и распоряжаешься рабами, как собственными, – нахмурил брови первый жрец Мелькарта.

– О чем речь? – не понял толстяк. – Разве я что-то взял у тебя?

– Зачем наказал моего раба? Мальчишку чуть не забили до смерти.

– Из-за него погиб человек. Он столкнул надсмотрщика в яму, и несчастный свихнул шею.

– Я не верю, что мальчишка справился со здоровенным мужиком. – Голос теперь звучал угрожающе. – И никто этому не поверит. Сторож погиб по твоей прихоти. Ты приказал ему посадить мальчишку в яму. А потом, все по твоему же приказу, он полез за ним и упал. Теперь именно ты должен поддержать семью несчастного.

– Но, надсмотрщик не был моим слугой! – возмущался толстяк.

– Почему ты распорядился оскотить раба? – наседал на него первый жрец Мелькарта. – Это мой раб, и только я могу наказывать его.

– Уж больно ты печешься об этом мальчишке. Думаешь, я не знаю, кто он? – попытался надавить толстяк.

– Не твое дело, – холодно и очень спокойно оборвал его жрец Мелькарта. Но в тоне его чувствовалась угроза.

Теперь толстяк напоминал кабана, готового пустить в дело клыки, а жрец Мелькарта – леопарда, приготовившегося к атаке.

– А вести переговоры с правителем другого государства за спиной нашего властелина? – вспылil толстяк. – Мне доложили, что за тайный гость из Алалаха тебя посещал.

Элиль вздрогнул.

– Я веду переговоры о торговле со многими правителями, как и ты, – оправдывался жрец Мелькарта.

– Такого еще не слышал: властитель большого города с богатыми землями наносит визит жрецу, игнорируя правителя. Я вынужден доложить. А вдруг, ты готовишь заговор! – взвизгивал от злости толстяк.

– Не говори чушь! – зашипел на него первый жрец Мелькарта. – Только заикнись властелину о моем госте из Алалаха, и он узнает, чей разбойничий корабль нападает в море на торговые суда и грабит честных торговцев.

– Ты намекаешь, что я...? – чуть не задохнулся от злости толстяк.

– Да! Ты покрываешь морских разбойников. Докажу это очень легко. Мне доложили, где находится тайная бухта, и через кого сбывают награбленное. Прикажу изловить раз-

бойников, и над жаровней с углями они мне все расскажут.

– Ну, брат.., – толстяк начал икать. Он весь сжался и из грозного кабана превратился в трусливого шакала. – Не забывай: я твой брат... Я – первый прорицатель...

– Договор простой, – тут же сменил гнев на милость жрец Мелькарта, и стал похож на сытого ленивого кота, – ты молчишь – я молчу. Ты не суешься в мои дела – я не замечаю твоих разбоев. Прощай!

Сердито засопев, жрец Баала протопал обратно к двери.

– Прощай! – взвизгнул он напоследок.

Вошел слуга, неся в руках небольшой сундучок.

– Жертвоприношения из храма, – с поклоном сказал он.

– Ты отсортировал золото от серебра?

– Все сделал в точности, как вы приказали.

– Проверил?

– Нашел пару фальшивых колец из меди. Я их выкинул.

– Поставь и уходи.

Слуга бережно опустил сундучок на стол и с поклоном, пятясь, вышел. Хозяин прислушался. Элиль наблюдал в щель, как он открыл сундучок и запустил в его содержимое тонкие длинные пальцы. В это мгновение его руки напоминали кровожадных пауков, а взгляд засветился неземным блаженством. Мелодично звякнул металл. Хозяин нехотя оторвался от драгоценностей и захлопнул сундучок. Лицо его продолжал сиять. Он подошел к небольшому золотому изваянию бога Мелькарта в виде грозного воина с орлины-

ми крыльями за спиной. Хозяин повернул изваяние, и в стене, подчиняясь скрытому механизму, открылась потайная дверь. За дверью оказалась сокровищница: полки, забитые дорогим оружием, сосудами с благовониями, шкатулки, золотая и серебряная посуда. Хозяин неторопливо выбрал место для сундучка, поставил его на полку и закрыл потайную дверь. Изваяние встало на прежнее место.

Вдруг он что-то почуял, резко обернулся, но Элиль уже отпрянул от двери и забился в угол. Тихие шаги в мягких кожаных башмаках приблизились. Дверь распахнулась. Хозяин пристально посмотрел на Элиля, угадывая по взгляду: подсматривал он или так и сидел в углу? Элиль ничем себя не выдал. Хозяин сердито крикнул однорукому сторожу, который травил байки с поваром:

– Бездельник! Хочешь в яму на месяц? Почему мальчишка еще здесь?

Загрохотали горшки. Сторож рысцой неся по коридору, униженно кланяясь на ходу. Он упал на колени перед первым жрецом Мелькарта и проскулил:

– Прости, ваше святейшество. Оплошал!

– Убирайся! Быстро! – рявкнул хозяин. – Мальчишку уведи.

Храм Мелькарта

Храм Бога Мелькарта, покровителя и защитника города располагался на высокой плоской скале, возвышаясь над западной оконечностью острова. Его великолепный парадный фасад, богато украшенный мраморными колоннами с позолотой, выходил на широкую площадь, мощеную камнем. Сюда же, на площадь стекалось множество улиц, как щупальца осьминога, а храм напоминал голову этого осьминога. Так и говорили: «Все дороги на острове ведут в святилище Мелькарта». К колоннаде поднималась широкая каменная лестница в двадцать восемь ступеней. Справа и слева от фасада вырастали стены, сложенные из неотесанного камня. По углам заканчивались стрелковыми башнями. Не храм – крепость. Дом первого жреца, так же, выходил парадным фасадом на площадь. Но, не смотря на роскошное убранство, он казался жалким жилищем рядом с величественным святилищем покровителя Тира.

Однорукий сторож повел Элиля вверх по ступеням храма. Колонны вблизи показались высоченными. По каменным балкам перекрытия, высоко вверху извивался тонкий резной узор. Перед самым входом находилась каменная чаша, выдолбленная в полу и наполненная водой. Прихожане, прежде чем переступить порог святилища, обязаны омыть прах с ног. Нечего таскать земную грязь в священные покои

Мелькарта.

Но к служащим данное правило не относилось. Войдя под арку, Элиль оказался в просторном дворе. Ровные квадраты каменных плит устилали залитый солнцем двор. Прямо перед ним выросли две стройные колонны, уходившие в небо локтей на тридцать. Колонны, казалось, горели огнем.

– Они целиком вылиты из золота, – пояснил однорукий, заметив, как Элиль открыл рот от изумления. – Похожи на лучи, упавшие с неба. Да ты не таращись на них. Огляди-сь! Здесь кругом золото, слоновая кость, мрамор. Храм Мелькарта очень богат.

И вправду, Элиль увидел вокруг сияние и роскошь. Меж золотых столбов находился небольшой круглый водоем, выдолбленный в цельном куске дорогого розового мрамора. По краям шел резной бордюрик. За столбами располагалось само святилище: массивное кубическое сооружение, высотой в двадцать локтей и шириной шагов пятьдесят. Стены состояли из отшлифованных каменных блоков, и богато украшены лепниной с позолотой. Арочный вход напоминал рот какого-нибудь чудища. Створки дверей щедро покрыты позолоченной резьбой. По периметру двора шла колоннада, в глубине которой виднелось множество дверей.

– Здесь живут блудницы, – объяснил сторож, указывая на двери. – Будешь убираться у них по утрам. Если найдешь мертвое тело, немедленно зови охрану. Бывает такое: в порыве страсти посетители душат жриц. Не часто, но бывает.

Мастерицы наслаждений умеют распалать мужчин до безумия.

– Посетителей за это казнят?

– Нет. Что толку с мертвеца? Требуют от виновного непомерной платы. Кто не сможет заплатить – в неволю. В храм тебе одному входить нельзя, – строго сказал стражник, указывая на вход, напоминающий пасть. – Только, если позовут.

– Почему?

– Там молельня и алтарь для жертвоприношений. Еще стащишь что-нибудь... Слушай дальше. Храм разделен на две части. В тыльной стороне есть еще один зал. Но туда разрешено входить только посвященным. В том пределе покоится чудотворящая статую Мелькарта. Прихожане, только за большую плату, могут прикоснуться к стопам Бога и попросить о чуде. Обычно, вымаливают излечить их от болезней или послать удачу в делах. Ты, даже не заглядывай туда – в яму посадят на неделю.

– А там что? – указал Элиль на странное пирамидальное сооружение из камня в два человеческих роста. Пирамида стояла справа от храма. С одной стороны к вершине поднимались ступени.

– Это, – старик недовольно поморщился, – Огнедышащий алтарь. На праздник Мелькарта он чудесным образом оживает, и из его недр поднимается пламя.

– А зачем на алтаре ступени?

– Жрецы восходят и бросают в жерло священные жерт-

вы. Обычно, подносят на праздник птиц, а в тяжелые годы – младенцев.

Элиля передернуло от последних слов.

Они обошли храм с другой стороны от пирамидального алтаря и оказались возле низкой калитки в стене. Через нее попали еще в один двор. Этот двор не был мощен камнями и не имел богатого убранства – грязный и унылый. По кругу шли убогие постройки с косыми дверями. Пахло гнилыми фруктами. Здесь обитала прислуга храма и низшие жрецы: прорицатели, музыканты и попрошайки.

Старик указал комнатку, предназначенную для Элиля. От стены до стены два шага. В узкое окошко под самым потолком можно рассмотреть кусочек голубого неба. По вечерам заглядывало приветливое солнышко. Стены комнатки грубо оштукатурены и расписаны сценами из жизни богов. Краска выцвела, а штукатурка местами покрылась трещинками. Из мебели – только низкая лежанка с соломенной подстилкой, сверху кусок вонючей козлиной шкуры: хочешь, на шкуре спи, хочешь, ей укрывайся. А ночи бывали прохладные, когда западный ветер завывал под крышей и врывался в окошко, теребя паутину в углах. Справа и слева за стеной находились такие же маленькие комнатки, в которых спали рабы. Невольники выполняли различные грязные работы при храме. Их считали чем то вроде собак... Нет, сторожевых псов ценили выше. Даже к выючным ослам лучше относились.

По утрам всех созывали к молитве. Невольники, стражники храма и низшие жрецы собирались во дворе, всего человек сорок. Кастраты пели гимн Мелькарту, остальные подпевали. После, служители рассаживались за два длинных деревянных стола. Грязный повар, с ним два его помощника приносили котлы с кашей и вареной рыбой. Жрецы и стражники садились за один стол, невольникам отводили место за другим. Еду раздавали: сначала жрецам, потом стражникам. Все, что осталось в котле, делили невольники. Элилю обычно доставалось не так много: пару ложек каши и рыбий хвост.

После завтрака обитатели расходились по службам. Младшие жрецы стояли у ворот храма и зазывали горожан делать жертво-приношения, предлагали погадать на будущее или составить заклинание к счастью, продавали волшебные амулеты. Если попадался богатый заморский торговец, всеми правдами и неправдами завлекали его в храм, где предлагали красивых юных жриц, обещая море блаженства и удовольствий – и все во славу Мелькарта. Невольники, обычно кастрированные безбородые юноши брели в порт или на торжища. В их обязанности вменялось выпрашивать милостыню, а так же торговать телом.

Элиля посылали драить мозаичный каменный пол в храме перед алтарем. Как только он заканчивал с полом, вручали шерстяную тряпочку и заставляли начищать бронзовые светильники. Из одежды ему полагалась только набед-

ренная повязка, да веревка вокруг шеи с деревянной табличкой. На табличке было написано черной краской, что сей раб принадлежит храму бога Мелькарта.

Лишь только солнце проходило зенит, служителей созывали на обед, за те же деревянные столы. На этот раз в миску плюхали ячменное варево, пахнущее мясом, и опять кусок рыбыны. Естественно, мясо из похлебки доставалось жрецам, причем – много мяса. Жрецы на обеде даже к рыбе не притрагивались – все отдавали невольникам. В полдень Элиль наедался вволю, так как попрошайки из порта приходили только к темноте.

После обеда, Элиля отправляли разбирать жертвоприношения, что скопились за день: фрукты в одну корзину, овощи в другую, зерно по кувшинам, масло отдельно и так далее... После вечерней молитвы – ужин из пареных овощей – бурда еще та – и немного фруктов.

Элиля запирали на ночь в комнатке. Он засыпал моментально, устав за день, но иногда просыпался среди ночи, от сердитого завывания морского ветра, приносящего запах свободы. Лежал без сна и долго глядел в потолок. Печаль сдавливала грудь. Как быть дальше? Невозможно всю жизнь прозябать в рабстве – лучше смерть. Попробовать бежать... Никак не хотелось расставаться с надеждой, что дядька выкупит его из плена. Но проходил день за днем, а он так и оставался в неволе. Мальчик с ужасом начинал замечать, что привыкает к своему положению – к положению твари, стоя-

щей ниже, чем бродячие псы. Он – рожденный свободным, воспитанный воином... Порой, в отчаянии хотел наложить на себя руки. Начал подумывать, как бы с кухни стащить нож и вскрыть вены... Но – нет! – сразу же отгонял от себя эти мысли. – Сначала надо попытаться бежать. Убить себя он всегда успеет. Бежать – сейчас главная цель его жизни. Вдруг с тоской вспоминал отца, мать, сестер. Вновь шептал ветру заговор старшей сестры, подняв глаза к темному прямоугольнику окна:

*Бог Грозы, мой покровитель!
От стрелы твоей загорается могучее дерево,
Скала рушится от голоса твоего!
Но птицу ты не сможешь ранить,
Она невредимая летает перед грозным ликом твоим.
Я – птица! Ты – мой покровитель!*

Когда Элиль перебирал жертвоприношения, за его работой обычно следил однорукий старик, воин – инвалид.

– Только попробуй что-нибудь в рот утянуть... Ох, я тебяогрею! – грозил он палкой. И повторял это раз двадцать за день.

Элилю надоели его угрозы, и он нагло, у стражника на виду отщипнул спелые виноградинки от огромной янтарной кисти и закинул в рот. Мутные глаза старика вспыхнул злобой. Он кинулся к Элилю, замахнувшись палкой, но мальчик даже не пошевелился, спокойно продолжал есть.

– Ах ты..., – старик покрутил палкой над головой, неожиданно взгляд его остыл. – Ладно, ешь. Голодаешь, наверное. Чего там, с этой каши. Правда, нельзя жертвоприношения есть... Это же богу Мелькарту... А, впрочем, все равно жрецы все сожрут.

С этими словами стражник сам потянулся к сосудам с жертвенным вином.

– Хорошее, из южных виноградников, – ласково погладил он пузатый кувшин с тонким длинным горлышком, воровато огляделся и залпом опорожнил, чуть ли, не половину. Закусил куском жертвенного сыра. Мысленно спросил у своей совести: хорошо ли он поступает? Совесть молчала, и он допил остатки вина, а пустой сосуд зашвырнул подальше в угол. – Давай заканчивай, – то ли попросил, то ли приказал старик. – Если кто-нибудь увидит нас за столь небогоугодным делом, и тебе и мне кнута не избежать.

После этого случая старик снисходительно относился к Элилю и разрешал ему воровать у бога Мелькарта, да и сам втихую прикладывался к жертвенному вину. Однажды, опорожнив очередной кувшинчик, он захмелел, подобрел и стал рассказывать, каким он раньше был сильным воином. Оказалось, старик не из Тира. Его родина – славный город Кадеш, что стоит на реке Оронте. Служил в войске правителя Итаммы. Ох, и жаркие были дни! Война разгорелась по всему Приморью. Правитель Библа Рибадди спорил за власть с правителем страны Амурру – Азиру. Мелкие князьки примы-

кали то к одному, то к другому. Власть Та-Кемет²² ослабла. Давно все забыли про опустошительные походы Тутмоса²³. А с севера угрожал Суппилулиума – правитель Великой Хатти. Сколько пережил он славных сражений. За Итакаму бился пешим, потом перешел к Азиру в колесничие. Под Тиром в бою он получил палицей по голове, свалился с колесницы и сломал ногу. Колесом ему раздавили руку. Вот так, он из отважного воина превратился в калеку. Его вылечили жрецы Мелькарта. Воевать он уже не мог, да и работник без руки из него не получился бы. Так и остался при храме. На родине старика давно забыли. Жены у него никогда не было – кому нужен безрукий, хромой, нищий – и детей, соответственно, нет. Даже Элилю стало жалко отставного вояку.

Старик, допив очередной кувшинчик жертвенного вина, усмехнулся:

– Мелькарт пока терпит нас. А, впрочем, воровство в Тире не является грехом. Здесь все друг у друга воруют. Торгаши – что с них взять. Остров – одни скалы. Тут ни сеять, ни скот водить нельзя. Одно занятие – торговля. Только, я тебе скажу: торговля – это не благородный труд. Она из человека делает жадную скотину без чести и совести.

– И как Боги такое выносят? – удивился Элиль.

– Какие прихожане – такие и Боги, – скривился старик.

²² *Та-кемет* – (Черная земля) Египет.

²³ *Тутмос III* – фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1479 – 1425 годах до н. э., из XVIII династии.

– Расскажи про Мелькарта, – попросил Элиль.

– Про Мелькарта. – Старик пожал плечами, обдумывая, с чего лучше начать. – Его родила Богиня Иштар то ли от бога Неба, то ли от упавшей звезды – кто как трактует, – повел повествование он, задумчиво прищулив один глаз. – По приданию, это Мелькарт научил людей строить корабли и ловить рыбу. А ты заметил, в какую чудесную пурпурную ткань одеваются богачи. Бог Мелькарт научил хананян добывать краску из раковин. Окрашенная в пурпур ткань высоко ценится по всему миру. За рулон, побывавший в чане с краской три раза, можно выменять дом или хорошую упряжку с колесницей.

– А подвиги какие-нибудь Мелькарт совершал? – допытывался Элиль.

– Конечно, – кивнул старик. – Как же такое может быть: Бог – и не совершил подвигов. Да ты и сам мог видеть в храме картины на стенах, где Мелькарт сражается с семиголовым змеем, с огромным львом, конем с человеческой головой, с получеловеком-полубыком, с подземным трехговым псом... Много всяких подвигов он совершил, защищая человечество. А еще ходит легенда о городе Гадасе. Этот город так же основал Мелькарт и тоже – на острове. В городе есть огромный храм, полный золота и слоновой кости. Так вот, правитель соседнего государства Тартесса по имени Ферон позарился на золото храма. Он собрал большой флот и решил ограбить Гадас. Гадасцы храбро сражались,

но их корабли оказались не столь прочными, как у Ферона. Им грозило поражение. Тогда гадасцы взмолились Мелькарту, прося помощи. И вдруг на носу у каждого корабля гадасцев появился лев. Львов не брали стрелы, и не жег огонь. А своим громким рычанием они совсем запугали корабельщиков Ферона. Потом с неба спустился сам Мелькарт и возглавил флотилию Гадаса. От его глаз исходили лучи, подобны солнечным. Под огненным взглядом бога вскоре вспыхнули вражеские корабли и все сгорели.

– Но зачем такому справедливому богу-защитнику приносят в жертву младенцев? – не понимал Элиль.

– Легенды говорят, что в конце земной жизни бог Мелькарт сражался с владыкой моря Йамом. Тот топил корабли торговцев и все добро забирал себе. Конечно же, Мелькарт победил владыку моря, загнал его в глубину, как огрызающуюся лисицу в нору, но очень ослаб. Сил у него осталось, что у ребенка. Какой же из него защитник? Тогда он спросил совета у бога-целителя Цида. Тот подсказал ему очиститься в подземной огненной реке. Переплыв через море, Мелькарт нашел место, где огненная подземная река вырывалась наружу и застывала, образуя высокую дымящую гору. Он поднялся к вершине и бросился в жерло. Искушавшись в огненной реке, он возродился в новом облике и стал еще могучее. Вот и младенцев кидают в жерло алтаря, напоминающего ту огнедышащую гору. Ты видел алтарь возле храма. Младенцы, сгорев, возрождаются в невидимых защитников горожан

и спутников Мелькарта.

– Хочешь сказать, что под храмом есть вход в подземную реку? – с сомнением спросил Элиль.

Старик захохотал, обнажая десна с редкими желтыми зубами.

– Это большая тайна, но под алтарем находится обыкновенная печь, которую в праздник Мелькарта разжигают посвященные жрецы. – Вдруг старик нахмурился и придвинулся к Элилю, угрожающе прошептал: – Только не вздумай даже виду подать, что знаешь об этом – убьют сразу.

Первый жрец храма часто находился в разъездах. Когда возвращался, обязательно приходил взглянуть на Элиля. Строго спрашивал с надзирателя, если замечал следы побоев на теле мальчика, или ему казалось, что он чересчур похудел. Тогда Элилю давали на обеде больше рыбы, а на ужин, дополнительно к овощному вареву – черствую хлебную лепешку или кость с жалкими остатками мяса.

Когда в храме появлялся толстый первый жрец Баала-Хамона, Элиль старался не попадаться ему на глаза. Прорицатель Астарим люто возненавидел его, за что – Элиль не понимал. Но, при встрече, когда не удавалось скрыться, мальчик получал от толстяка пинки и плевки в лицо.

Как-то Элиль драил пол в доме первого жреца храма Мелькарта. Хозяин работал за столом, перебирая глиняные таблички с записями. На табличках клинописью заносились отчеты о доходах и расходах храма. Слуга доложил о прибы-

тии ценного груза.

В покое вошел грязный кочевник. Серая грубая одежда хабиру²⁴ основательно провоняла костром и лошадиным потом. Засаленная головная накидка закрывала лоб до самых бровей. Среди заросшего смуглого лица торчал большой горбатый нос, и дико сверкали черные глаза.

– Привез? – спросил хозяин, не давая гостю рассыпаться в приветствиях.

– Да, – коротко ответил он, как будто кашлянул.

– Она, хоть, жива?

– Наш колдун отпаивал ее травами. Мы кормили ее козьим молоком. Она поправилась. Давай оплату, – в конце потребовал кочевник.

– Получишь все сполна, – успокоил его хозяин, брезгливо вздернув подбородок. – Но учти, если обманул меня, и она не дочь старшего тамкара²⁵ Ниневии²⁶, я больше не буду иметь с тобой никаких дел, Хабик.

²⁴ *Хабиру (хапиру, апиру) по-аккадски или гр. w по-древнеегипетски – название, упоминаемое в различных шумерских, древнеегипетских, аккадских, хеттских, митаннийских и угаритских источниках, приблизительно датировемых между 1800 и 1100 гг. до н. э., для группы племён, кочевавших по территории Плодородного Полумесяца от северо-востока Месопотамии и Ирана до границ Египетского царства в Ханаане. В зависимости от источника и эпохи, хабиру описывают как кочевников или полукочевников, повстанцев, разбойников, совершающих набеги, торговцев, лучников, слуг, рабов, мигрирующую рабочую силу и т. п.*

²⁵ *Тамкар – торговец.*

²⁶ *Ниневия – Находилась на территории современного Ирака (город Мосул), на левом берегу реки Тигр на холмах Кулонджик.*

– Клянусь прахом моих передков! Пусть Иштар сотворит из меня шелудивую собаку, – с обидой стукнул себя в грудь жилистым кулаком кочевник.

– Что ж, пойдем, посмотрим на товар, заодно расплачусь, – согласился хозяин, как-то недобро окинув кочевника взглядом.

Элиль закончил с полом и отправился убирать двор. Он увидел, как хозяин прощался с кочевником. Довольный хабиру улыбался, часто кланялся, чуть ли не на колени падал. Как только оборванец скрылся за воротами, хозяин подозвал угрюмого высокого слугу, что вечно таскался за ним в качестве охранника, и тихо сказал:

– Я дал ему много золота. Как только он покинет Тир и переправится в Ушу – убей его. Золото принеси мне, получишь десятую часть.

Слуга поклонился и вышел вслед за кочевником. А первый жрец храма Мелькарта направился обратно в дом, шурша по каменной дорожке мягкой обувью. Элиль продолжил собирать упавшие листья с травы, как вдруг услышал плач. Он доносился из небольшой пристройки, вернее, из подвала пристройки. Как будто котенок жалобно мяукал. Элиль с любопытством подошел к узкому окошку, заглянул внутрь. В пустом мрачном помещении с серыми каменными стенами, на пестром ковре сидела девочка лет семи худенькая, в голубом платье. Длинные рыжие косы подрагивали, а круглое бледное личико блестело от слез.

– Эй! – позвал ее Элиль.

Девочка подняла на него большие черные глаза, перестала всхлипывать и сказала что-то на аккадском, а может на шумерском.

– Я не понимаю, – покачал головой Элиль. – Говоришь на хурри?

– Да. – Девочка встала с ковра и несмело подошла к окошку. Она показалась ему совсем маленькой и худой, и... так похожей на младшую сестренку. Сердце больно кольнуло. Такие же большие черные глаза, ротик такой же пухленький, лоб высокий чистый. Только щеки у его младшей сестры румяные и напоминали половинки спелого персика, а у этой девочки они бледные и впалые.

– Почему ты плачешь? – спросил Элиль.

– Здесь холодно, – пожаловалась девочка тонким голоском. – Я замерзла.

Глядя на ее тонкие плечики, обескровленное лицо, глаза, полные печали и страха, Элилю стало ужасно жалко девочку. Она совсем ребенок. Зачем ее держат в подвале? Его воспитывали воином, а воин обязан защищать слабых, жертвуя собой. Элиль забыл, в каком он положении: есть тот, кто страдает больше него, кто нуждается в защите. Плевал он на угрозы и побои!

– Сейчас!

Элиль пробрался в дом, стянул кусок козьей шкуры мягкой выделки. Хозяин в холодные дни укутывал ноги этой

шкурой, когда ложился спать. Элиль отнес шкуру узнице. Девочка накинула на плечи мех, поежилась.

– Хранит тебя Иштар, – поблагодарила она, после робко попросила: – Ты не мог бы принести чего-нибудь поесть? Я не ела два дня.

Ее еще и голодом морят. Ох! если бы над его сестрой так кто-нибудь издевался...

– Жди!

Элиль направился к кухне. Жирный повар, напоминавший переспелую грушу, как раз, чистил на улице овощи. Элиль прокрался за его спиной. В каменном очаге, сложенном кругом, пылали угли. Большой медный закопченный котел весело бурлил, источая аромат бульона со специями. Разделочные столы ломились от закусок. Мальчик стащил с медного подноса большую румяную лепешку, выловил ложкой из котла приличный кусок мяса и выбрался обратно. У самого в животе заклокотало. Для себя бы он никогда не посмел воровать, но для незащитного ребенка...

Узница набросилась на мясо, набивая полный рот.

– Осторожно. Горячее, – предупредил ее Элиль, сам невольно сглотнул слюну.

Девочка смутилась и виновато спросила:

– А тебя за это не накажут?

– Нет, – соврал Элиль. – Ешь. За меня не беспокойся. Я еще фруктов принесу.

Он вновь побежал на кухню и нацелился на большое блю-

до из потемневшего дерева. В нем лежал красный виноград и янтарные финики. Элиль выбрал самую спелую гроздь. Набрал полные руки фиников...

– Вор! – заорал повар, неожиданно возникший за спиной. Он перекрыл огромным жирным телом выход. – Попался га-деныш! Сейчас я тебя отучу воровать.

Мясистый кулак ткнулся Элилю в лицо. Искры вспыхнули перед глазами. Мальчик полетел на пол. Его бросило в жар. Весь мир перевернулся. Злость, гнев, копившийся долго в душе, словно лава из жерла вулкана выплеснулась наружу. Он ничего не боялся, не чувствовал боли и ничего не видел вокруг, только толстую рожу повара. Элиль ящерницей извернулся от пинка. Оказался на ногах. Рука сама нащупала нож на столе. Лезвие по самую рукоять вошло в живот, свисавший, словно кожаный мешок, наполненный жиром. Повар заорал больше от испуга, чем от боли, широко разевая рот. Глаза его чуть не вылезли из орбит. Он покачнулся и грузно осел на землю.

Элиль перепрыгнул через тучное тело повара. Но двое слуг уже спешили к кухне, слышав истошные вопли. Один сбил Элиля на землю. Не ощущая никакой боли, мальчик перекувыркнулся через голову, вновь оказался на ногах. Рука сама подобрала тяжелый камень. Булыжник угодил стражнику в лицо. Тот схватился за рассеченную бровь. Второй попытался придушить Элиля, обхватив его сзади за шею. Элиль укусил руку, вывернулся из объятий. За поясом у слу-

ги висел кинжал. Элию ничего не стоило выхватить клинок и зарезать противника. Но в это время подросли еще слуги и скрутили маленького бунтаря. Удар в живот окончательно подавил сопротивление.

– Что за возня? – первый жрец бога Мелькарта появился в саду. Элегантная темно-синяя накидка, расшитая серебряным тонким узором спускалась мягкими складками до самой земли. Такого же цвета круглая тиара оставляла открытым высокий лоб. Холодные глаза с недоумением взирали на возню слуг. – Почему мальчишку бьете?

– Он напал на повара, – оправдывался один из слуг, – и разбил лицо привратнику. Разрешите, мы его накажем.

– Это мой раб, – строго напомнил хозяин, – и только я могу его наказывать. Прекрати ныть! – прикрикнул он на повара, катающегося по земле. – Подумаешь, ножичком ткнули... Твое брюхо даже ахейский кинжал не прорежет.

Повар затих и поднялся. Один из слуг выдернул из брюха нож. Повар взвизгнул. Лезвие, действительно, оказался небольшой, и только испортил сало.

Внимательные прислужники вынесли из дома резной стул с высокой спинкой. Хозяин опустился на мягкое сиденье. Элия заставили упасть на колени и уткнуться носом в мягкие кожаные сапоги первого жреца Мелькарта.

– Что там у нас? – деловито спросил хозяин. – Проткнутое брюхо, разбитая бровь и прокушенная рука. Вы что, вдвоем с мальчишкой справиться не могли?

– Он, словно взбесился, – пожали плечами слуги. – Пряткий такой оказался. Хотели уже его палкой огреть по голове.

– Не вздумай! – строго пригрозил хозяин. – Он – мой раб, и очень ценный раб. А из-за чего все началось?

– Мальчишка стащил кусок мяса и лепешку, а потом хотел умыкнуть виноград, – проскулил повар, держа возле пореза тряпку, которая начинала набухать от крови.

Хозяин нагнулся, грубо схватил Элиля за подбородок холодными пальцами и принялся.

– Не пахнет от него мясом. Может, это ты, жирная свинья, мясо сожрал, а на мальчишку хочешь свалить.

– Он украл, – обиженно взвизгнул повар. – Спрятал куда-то. А потом слопает втихаря.

– Куда спрятал мясо? – хозяин строго смотрел мальчику в глаза, но Элиль ответил дерзким смелым взглядом и продолжал молчать. Хозяину это очень не понравилось.

– Привязать его к дереву и бить кнутом, пока не скажет, – распорядился первый жрец. – Но смотрите, до смерти не забейте.

Элиля грубым рывком подняли с земли, руки вскинули над головой и прикрутили веревкой к толстой ветви раскидистой сикоморы. Элиль увидел, как из окошка в подвале на него смотрят испуганные глаза маленькой узницы. Он отвернулся, чтобы она не заметила мук на его лице, когда плеть начнет срывать кожу со спины.

Бич засвистел, рассекая воздух. Спину обожгло. В гла-

зах потемнело от боли, но Элиль стиснул зубы, чтобы не вырвался невольный стон. Нельзя показывать врагу, что тебе больно, – так его воспитывал отец. Первый удар всегда самый чувствительный. Сейчас будет полегче... А еще через несколько ударов он потерял сознание.

Его окатили водой. В ушах звенело. В глазах плясали кровавые пятнышки.

– Молчит? – спросил безразлично хозяин.

– Молчит, – подтвердил слуга с разбитой бровью, заглядывая в бледное лицо Элиля. – Ни разу не пикнул.

– Продолжай, – разрешил хозяин.

– Мальчишка совсем хилый, а у меня рука тяжелая, – предупредил слуга.

– Ничего. Отлежится. Вина мне принеси, – приказал он повару. – Люблю такие зрелища, но без вина – скучно. Приправы не забудь подсыпать.

– Как скажешь, господин, – прохрюкал повар и засеменил в кухню, все еще прижимая кровавую тряпицу к животу.

– А ты – продолжай, – крикнул палачу хозяин. – Не вздумай внутренности ему перешибить. Убьешь мальчишку – потом век со мной не рассчитаешься.

Бич зашуршал, раскручиваясь по воздуху. Элиль зажмурился, готовясь вытерпеть новый удар.

– Не бейте! Не надо! – закричала из подвала маленькая узница тонким голоском, словно мышка пропищала.

– погоди, – остановил хозяин палача. – Девчонка? Та-

щи-ка ее сюда.

У нее случилась истерика. Девочка кричала что-то невразумительное на смеси аккадского и хурритского, порой переходила на ханаанский. Слезы ручьями лились из глаз.

Первый жрец силой залил ей в рот глоток вина, что принес повар. Девочка немного успокоилась. Хозяин узнал козью шкуру мягкой выделки у нее на плечах.

– Так, это он для тебя воровал? – Ровно выщипанные брови хозяина удивленно взметнулись вверх.

– Я замерзла и проголодалась, – продолжала хныкать девочка.

– Птенчик, я бы тебя сам накормил и согрел, – притворно ласково проворковал хозяин. – А ты заставила его воровать. За воровство положено бить плетью.

– Не надо его бить, – умоляла маленькая узница, падая на колени.

– Тогда тебе отвесим плетей. Согласна? – он погладил ее нежное бледное личико.

– Да! – не понимая, о чем речь, кивнула девочка.

– К дереву ее. Это будет еще интереснее. Мальчишку отвяжите.

– Господин, – не понял слуга, – я же ее с одного удара уколошу.

– Делай! – жестко приказал хозяин. – Старайся только кожу содрать. По голове не попади.

Элиль почувствовал, как путы на руках ослабли, и он по-

валился без сил на траву. Девочка заплакала тонко, словно котенок, когда ее руки прикручивали к ветке.

– Ну, смотри, господин, – последний раз предупредил слуга, разматывая длинный пастуший бич.

Лицо хозяина оставалось непроницаемым.

Что же он творит? – пронеслось в голове Элиля. – Пара ударов – и она умрет. Гнев вновь придал силы. Шатаясь, Элиль поднялся на ноги и закрыл телом маленькую узницу. Пусть его убивают, но он не даст обижать ребенка. Не потому, что она слабая и беззащитная, а потому что люди, стоявшие перед ним – совсем не люди, – вонючие гиены. Он в этот миг люто ненавидел их. Жаль, что, ему всего десять лет. Был бы постарше – голыми руками передушил!

Палач остановился в нерешительности, ожидая приказ хозяина. Бич дохлой змеей шлепнулся на землю. Девочка продолжала пищать. А Элиль стоял, широко расставив ноги, злобно озираясь и рычал, оскалив зубы, совсем как волчонок. Хозяин долго молчал, наблюдая эту картину, затем покачал головой и со змеиной улыбкой произнес:

– Повеселил, щенок. – Затем распорядился: – Девчонку накормить. Отвести ей комнату в моем доме. Мальчишку к лекарю.

Девочку отвязали и увели в дом. На спину Элилю плеснули воды. От боли он чуть не потерял сознание. Упал на колени и стиснул зубы, давя стон.

– Что скажешь? – спросил хозяин у палача.

– Не получится из него невольник, – покачал головой слуга с разбитой бровью. – По нему сразу видно: рожден свободным, в семье воинов. Сколько не старайся, а гордость палкой не выбьешь. Все одно: или сбежит, или кого-нибудь прирежет. Лучше сразу ему шею свернуть.

– Эй-эй! Он мне нужен живым. Мне каждый год хорошо платят за его содержание. Отлежится – посади его на цепь?

– Зачахнет, – не согласился слуга. – Такие – как вольные звери – на привязи долго не живут. Определи его в стражники храма, может, там его воспитают.

– Пожалуй, ты прав, – согласился хозяин. – Только предупреди старших стражников, чтобы не забили его совсем. Впрочем, они бить умеют, так, чтобы не до смерти, но поучительно.

Дня три Элиль провалялся в своей каморке, лежа на животе. Однорукий старик-охранник приносил ему еду. Каждый вечер калека осторожно смазывал спину мальчику вонючей мазью и приговаривал: «Звери! Ясное дело – звери. Так над ребенком измывается. Ну и что – невольник, человек все же, да еще вон какой слабенький: ребра торчат. Разве так можно?» От мази раны начинало щипать, жечь. Затем боль утихала, и наступало облегчение.

Как только следы от кнута перестали кровоточить, Элилю разрешили выходить из комнатки и нагружали мелкой работой: убрать мусор, помыть пол в храме, подлить масла в лампадки. Однажды он полировал светильники, счищая с меди

зеленый налет шерстяной тряпочкой. В зале появился первый жрец бога Баала-Хамона. От раскормленного холеного тела за сто шагов несло дорогими ароматными притираниями. Завидев его, все жрецы склонили головы, а невольники упали на колени. Один Элиль не заметил высокого гостя и продолжал чистить светильники.

Удар посохом по спине чуть не заставил Элиля взвыть от боли. Старые раны от бича еще не затянулись до конца.

– Ты что, раб, совсем ничего не боишься? – завизжал гневно толстяк. – Как смеешь ты стоять передо мной. Мало с тебя шкуру спустили! Эй! – обернулся он к своим слугам. Вывести его во двор и побить палками!

– Прости, святейший, но он не твой раб, – вступился за мальчика однорукий охранник.

– Что! Ты еще смеешь перечить! Мне!

– Почему такой шум в священном месте? – никем незамеченный появился первый жрец Мелькарта. Все склонили головы. – Брат мой, ты показываешь недостойный пример младшим жрецам, оскверняя истошными криками Дом Бога-Покровителя. Непростительно.

– Но, твой раб остался стоять при моем появлении. Я требую его наказать.

– Ах, негодник, – притворно показывая, что он очень сердится, воскликнул первый жрец Мелькарта. – Конечно же, я его жестоко накажу! Приказываю сегодня на ужин оставить его без фруктов.

– Ты смеешься надо мной? – взвизгнул брат.

– Вместо фруктов дать ему мясо, – продолжал издеваться первый жрец Мелькарта.

– Ты меня унизил! Я доложу правителю! – Толстяк потрясал кулаками над головой в бессильной злобе.

– Опять старая песня, – презрительно усмехнулся старший жрец Мелькарта. – Давай, пойдем к правителю: будем ябедничать друг на друга. – Лицо его приобрело каменное выражение, а тон стал угрожающим. – Только кого из нас первого разжалуют в младшие жрецы.

Толстяк воровато огляделся на слуг, наостривших уши, и любезно проямлил:

– Брат мой, опять мы ссоримся, и все из-за какого-то жалкого раба. Пойдем, в святую комнату, помолимся вместе, побеседуем, как персоны, ближе всех стоящие к Покровителям.

Они отправились в камеру, куда разрешалось входить только избранным. Однорукий слуга, выпихнул Элиля, от греха подальше, из храма во двор. Мальчик, кипя от гнева и обиды, уселся на камень под стеной. Камень, нагретый солнцем, источал приятное тепло, словно живой.

– ...Ты же получаешь неплохую плату за этого мальчишку, а с правителем не делишься, – услышал он над собой. Обернулся, поднял глаза. Узкое оконце выходило из камеры. Слабый дымок от воскуриваний взвивался наружу. Сладко пахло благовониями.

– Я правителю, и без того, отдаю много, побольше, чем твой храм, – отрезал жрец Мелькарта. – К тому же, я очень рисковую, держа у себя этого щенка. Риск – дело дорогое.

– Хорошо! Согласен, – ныл первый жрец Баала. – Но зачем тебе столько добра? У твоего храма огромные привилегии. Только с твоего ведома торгуют рабами и лесом. Только от храма Мелькарта могут продавать пурпурную ткань. Только ты даешь разрешение добывать краску из моллюсков. Это не справедливо, Брат...

– А ты добейся таких же привилегий для своего храма. Попробуй, – поучительным тоном возразил первый жрец Мелькарта.

– Опять смеешься надо мной! Скажи хоть, что за девчонку тебе привезли? Дорогая, наверное?

– Почему ты вечно суешься в мои дела? Позаботься о своих блудницах. Большинство из жриц Баала постарело. Пора бы на невольничьем рынке приобрести молодых.

– Не доверяешь мне, брат. Обидно! Мы же служим одному правителю, – подлизывался жрец Баала.

– Но разным богам, – урезонил его жрец Мелькарта. Последняя фраза прозвучала, как просьба покинуть храм: – Ты всегда желанный гость в моем доме. – Слово «гость» он особо подчеркнул.

Элиля перевели в ученики стражников храма. Все они: семь человек взрослых и десятков мальчишек-учеников разного возраста обитали в просторной низкой пристройке

с земляным полом и соломенной крышей, в том же грязном дворе храма Мелькарта. Почти в такой же жил Элиль среди кастратов. Вдоль неоштукатуренной каменной стены шел сплошной ряд лежанок из досок. Посредине стоял длинный деревянный стол и такие же длинные лавки.

Взрослые стражники по очереди дежурили днем в храме, а в свободное время пьянствовали. Все они происходили из отставных вояк. По натуре своей – грубые и ленивые. Редко мылись: ходили вонючие, неопрятные. Но лежанки у них были мягкие, укрытые козьими шкурами.

Мальчишки – все из местных: отданы в услужение храму за долги родителей. Их участь ни чем не лучше невольничьей. Старшие из мальчишек ночью с собаками охраняли территорию храма, младшие выполняли всю грязную работу: бегали на кухню за харчами, убирали, мыли, стирали. Если старый стражник напьется до бессознательного состояния, его надо раздеть, уложить, убрать блевотину – заботиться, как о любимом господине.

Элилю досталась последняя лежанка у входа с жесткой соломенной подстилкой. Когда среди ночи старый стражник просыпался после пьянки и требовал пить, Элиль должен был стремглав нестись к колодцу и принести воды. Если старший поздно приходит с гулянки, а ему хотелось поесть или выпить, он тут же будил самого крайнего и пинком отправляет в кладовую. И попробуй сказать, что повар не разрешил брать вина... За каждое непослушание или оплош-

ность старшие били беспощадно.

Однажды среди ночи старшие затеяли очередную пьянку. Кто-то из них днем умыкнул пузатенький кувшинчик жертвенного крепкого вина. Его и решили приговорить. Но вот беда – выпивки показалось мало. Захмелевшие стражники потребовали, чтобы младшие отправлялись к повару еще за одним кувшином.

Дело не простое. Нужно пробраться к комнатке повара, которая находится возле кладовой, долго стучать в дверь, выслушивая отборную брань. Когда же старик-повар изволит высунуться, надо вытерпеть его упреки и плевки. Только после этого старый шакал отопрет кладовку и даст вина. Да надо еще проследить, чтобы не подсунул плохое, кислое, а то вообще спросонья может кувшин с маслом дать.

На обратной дороге надо идти очень тихо, озираясь по сторонам. Кто-нибудь из слуг, разбуженный бурчанием повара, может выйти на улицу и караулить. Если ему попадешься, слуга отнимет кувшин, чтобы самому выпить, а неудачника наградит хорошим пинком.

Вот и в этот раз старшие охранники подняли с лежанок двух мальчиков и потребовали вина. Те в свою очередь растолкали Элиля. Он очень устал за день, работая в храме, и никак не мог проснуться. Его тормозили все сильнее.

– Вставай! Старшие хотят вина.

– Не пойду, – сквозь сон буркнул Элиль и продолжал спать.

– Врежете ему, как следует! – нетерпеливо кричали старшие.

– Вставай раб!

От звонкой пощечины лицо вспыхнула. Голова тут же прояснилась. Вновь злость закипела внутри, туманя сознание. Элиль вскочил с лежанки. Противники были оба чуть ли не на голову выше его и намного крепче. Но ярость придала силы. Кулаком он саданул первому по зубам, второй получил удар коленом в живот.

– Надо освободить место, – обрадовались старшие, столь интересному зрелищу и быстро сдвинули к стене стол со скамьями. – Нападайте только по одному. Между ног не бить, и упавшего не трогать. Кто проиграет – пойдет за вином.

Первым бросился на Элиля крепкий сын землепашца, отданный в услужение храму на двадцать лет за долги отца. Из разбитой опухшей губы сочилась кровь. Он размахивал тяжелыми кулаками, но боец из него был плохой. Элиль ловко поднырнул под руку и еще раз врезал по губе. Даже кулак онемел. Противник неуклюже сел на пол, отплевываясь кровью.

Второй, сын обедневшего ремесленника оказался более сноровистым, но и с ним Элиль справился. Не зря отец его учили стойко держать удары и не бояться боли. Он ударил пяткой под коленку, тем самым обездвигил соперника. Изловчился и несколько раз саданул в живот, помня науку: бей противника в одно и то же место. Сын ремесленника согнул-

ся пополам. Лицо покраснело, а рот беспрерывно открывался, пытаясь набрать воздуха.

– Довольно! – вмешался однорукий охранник. – Бой проходил по-честному. Вы двое – марш за вином, а ты, – указал он на Элиля, – ложись спать.

Элиль плюхнулся обратно на лежанку. Засыпая, он слышал, как старшие обсуждали драку.

– Хорош, – похвалил один из них. – Чувствуется – в доме воинов рос. – Ничего не боится. А ловкий какой...

– Может, его к делу приручать? – предложил однорукий старик. – Хватит ему с тряпкой дружить. Без него невольников хватает.

– А что скажет первый жрец? – усомнился третий.

– Не зря же хозяин мальчишку к нам определил, – стоял на своем калека. – Хочет из него охранника сделать. Вон, как он с двоими разделался...

На следующий день после завтрака однорукий старик отвел Элиля в красильные мастерские, принадлежавшие храму Мелькарта. От мастерских исходил неприятный запах гниющих раковин, поэтому их построили ближе к порту, в бедном квартале рыбаков. Красильни представляли собой низкие длинные строения с обшарпанными стенами. Вонь стояла невыносимая. Охранник вручил Элилю легкую, но прочную деревянную палку, длиной примерно в два локтя. В покосившейся каменной хибаре невольники крутили ворот деревянного пресса, давя морских моллюсков. Из жижи полу-

чалась дорогая пурпурная краска для ткани.

– Будешь следить за давильщиками, – поучал его старик. – Чтобы не ленились.

Несколько невольников налегали на рычаги давильного пресса. Снизу в чан стекал слизь – будущая краска.

– Поднатужьтесь, – прикрикнул охранник. – Давно палкой не получали. – Затем объяснял Элилю, как надо наказывать работников: – По костям не бей. Только по мякоти. Тем, кто давит пресс бей по ногам, а тем, кто груз таскает по плечам. Можно и по голове приласкать, но только по ушам. Не жалей их. Они стоят дешевле ослов. Если зайдет слуга или сам хозяин и увидит, что невольники недостаточно усердно трудятся, тебя самого будут бить. Понял? Я вздремну в уголочке, а ты походи, поупражняйся.

Старик уселся на перевернутую вверх дном корзину, закрыл глаза и тут же захрапел. Элиль растерянно оглядел грязный красильный цех. Солнце сюда еле проникало. Ужасная вонь от гниющих ракушек и немытых тел не выветривалась. Кругом тощие, сгорбленные, потные спины. На жилистых шеях веревки рабов с деревянными табличками. Никто не смел поднять глаза. Все монотонно выполняли свою работу, напоминая шевеление червей в гниющей плоти. Они не походили на людей, до того жалок был их вид: покорные, с вялыми движениями и потухшими глазами.

У хурритов не было невольников. Сами они вольнолюбивые, и ненавидели рабство. Торговцев невольниками в Ала-

лахе призирали. Их считали ниже, чем нищих бродяги. Элиль посмотрел на палку в руках, решительно отшвырнул ее в сторону. Пусть его бьют, но он не будет унижаться до надзирателя.

Бежать! Надо бежать! Лучше умереть от жажды в пустыне или утонуть в море – но вырваться с этого проклятого острова.

Он вышел из мастерской и побрел, не разбирая дороги, думая только о побеге, ничего не замечая вокруг. Очнулся, когда шел по улице города. Вокруг зеленели деревья, подставляя раскидистые ветви лучам ласкового солнца. Прохладный ветерок приносил запах моря. В голубом небе кружили белые чайки. Хорошо, что в этот полуденный знойный час на улицах не было народу, иначе при встрече с важными чванливыми горожанами, Элилю пришлось бы уступать дорогу и униженно кланяться. Он очутился возле стены богатого дома. Дом старшего жреца Мелькарта, – узнал Элиль.

Хозяин в очередной раз находился в разъезде. У Элиля возникла дерзкая мысль: прокрасться в дом. Если он незаметно попадет в кабинет хозяина, то откроет тайник и похитит оттуда золота, ровно столько, чтобы хватило сесть на корабль и уплыть. Привратник, которому он недавно разбил бровь камнем, дремал. Элиль бесшумно отворил калитку и проскользнул во двор. Во дворе – тихо.

– Подойди ко мне, – услышал он тоненький голосок. Вздрогнул, повертел головой. Никого. – Сюда, к дому.

Элиль сделал несколько шагов. На уровне его головы темнело узкое оконце, в которое едва можно было просунуть руку. На него с любопытством и восхищением смотрела маленькая узница.

– Ты поправился? – участливо спросила она. – Тебе было очень больно?

– Ерунда. Я не боюсь боли. А тебя теперь держат здесь?

– Да. Подожди. – Она протопала босыми ножками от окна. Скоро вернулась и протянула кусок пирога с медом и орехами. – Угощайся.

Элиль с наслаждением глотал сладости. Как давно он не пробовал такой чудесный мед и такие пышные пироги. Узница все это время не отрывала взгляда от него.

– Я еще принесу, хочешь?

– Нет, спасибо. – Элиль почувствовал, что больше в него не влезет. Отвык он много есть.

– Ты теперь охранник? – спросила девочка.

– Никакой я не охранник, – нахмурился Элиль и, понизив голос, сказал. – Я решил убежать.

– Убежать? – В черных глазах проскользнул испуг. – Но как? Даже взрослые не могут убежать.

– Я смогу, – упрямо твердил Элиль.

– А если тебя поймают.

– Поймают – снова сбегу.

Теперь в глазах узницы показалась грусть.

– Возьми меня с собой, – вдруг попросила она.

– Тебя? – удивился Элиль. – Как же я тебя с собой потащу?

– Я не буду плакать. Я очень быстро бегаю и не боюсь змей.

– Мы можем погибнуть, – предупредил он.

– Ну и пусть, – безразлично ответила она. Слеза скатилась по щеке. – Я не могу больше здесь сидеть целыми днями, одна, в этой комнате...

А это – было бы здорово, – подумал Элиль. – Убежать самому, да еще девочку прихватить. Хорошая месть. Хозяин лопнет от злости, а всем слугам не избежать порки. Будь, что будет. Но если они погибнут. Он—то ладно, Эллию себя не жалко, но маленькая узница... Нет, надо ее оставить здесь! С другой стороны, что ее ждет в храме Мелькарта? Судьба продажной жрицы... Решено – они бегут вместе.

– Хорошо, – согласился Элиль. – Попробуем сегодня же ночью. Но предупреждаю тебя: нас могут убить или мы утонем.

– Смерть – лучше неволи, – твердо сказала узница.

Их разговор прервал вой. Так воет дикий буйвол, когда ему воткнут в бок копье. Элиль скорее побежал на звук. У ворот столпились слуги и охранники. Внутри круга стоял на коленях и выл слуга, тот здоровенный, с тупым звериным лицом, что вечно таскался за хозяином. Он рвал на себе одежду и бился лбом о землю.

– Пошли все вон! – гаркнул привратник.

Двое слуг подхватили здоровяка под руки и поволокли

вглубь двора. Он продолжал выть, тряся бородой. Элиль притаился за широким кустом. Любопытство пересилило страх.

– Говори членораздельно! – потребовал привратник.

– Все из-за девчонки, – промычал он.

– Какой?

– Ну, той, что кочевник Хабики приволок. Хозяин за нее много золота отдал, – бессвязно объяснял он, хлопая себя грязными ладонями по лицу.

– Дальше что? – не отставал привратник.

– Потом он мне приказал убить кочевника, а золото принести обратно.

– Похоже на хозяина, – качнул головой другой слуга.

– Их трое оказалось. Двоих, в том числе и Хабику я зарезал, а третий прыткий оказался – удрал. Тела кочевников я с обрыва в море скинул, а золото, как велено, принес. Но я не сказал хозяину, что один из хабиру ушел от моего ножа. Сегодня хозяин приказал закладывать колесницу. Мы переправились в Ушу и поехали в Библ.

– Хозяин поехал без охраны? – испугался привратник.

– Дело у него намечалось важное. Не хотел лишних глаз.

– Вы поехали..., и что?

– За городом нас караулили кочевники. Хозяина зарезали. Я еле ноги унес. Всего камнями побили.

– Лучше бы тебя прирезали, сын гиены! – выругался привратник и повернулся к слугам. – Все! Конец вольной жизни.

Займитесь делами. Приберите хорошенько в доме. Порядок наведите. Скоро здесь появится братец хозяина.

– Из города выслали копьеносцев. Да куда там... – продолжал завывать здоровяк. – Где их теперь разыщешь? Ушли в степь.

В ворота ввалила толпа вооруженных стражников. Посреди двора опустили на землю тело первого священника бога Мелькарта. Бледное лицо, без того худое, еще больше заострилось. В уголках посиневших губ запеклась черная кровь.

– На колени! – закричал привратник.

Все, кто находился во дворе, тут же бухнулись на землю и опустили головы. В ворота влетел старший жрец Баала. Круглое лицо его выражала гнев попеременно с торжеством. Он так спешил, что даже красную круглую тиару надел криво. Широкий золотой пояс повязал кое-как.

– Где? – звонко прокричал он. Увидев бездыханное тело, толстяк попробовал выдавить из себя слезу. – О, брат, – хныкнул он, но тут же скорбь сменил на гнев. – Кто его сопровождал?

– Вот он, – привратник указал на угрюмого слугу.

– Ах, ты..., – первый жрец Баала чуть не задохнулся от злости. – Какой же это телохранитель... В подвал его к гиенам. Завтра кожу с него спущу.

– Прости, великий! Что я мог сделать, – промычал несчастный, но его уже волокли прочь.

Первый жрец Баала взглядом господина окинул колено-

преклонен-ных слуг и сурово произнес:

– До назначения нового жреца бога Мелькарта, я буду распоряжать-ся имуществом храма. Готовьте святейшего к обряду прощания.

Слуги осторожно подняли бездыханное тело и отнесли в дом. Жрец Баала отозвал в угол двора распорядителя дома, прямо к тому кусту, где затаился Элиль.

– Где мой брат прятал золото? – строго спросил жрец.

– Я не знаю, господин, – распорядитель упал на колени. – Он никому не доверял сокровища.

– Хочешь, чтобы тебя на углях пытал? – угрожающе навис над ним толстяк.

– Смилуйся, господин! Не знаю я! Никто не знает!

– Не хочешь углей на спину – найди тайник. Переверни весь дом, сломай стены, вскрой полы – но найди кладовую!

– Найду! Весь дом перевероршу! – задыхаясь, клялся распорядитель.

– Иди! Нет, постой! Расскажи-ка мне, что за девчонку прячет мой брат? Она живет в его доме. Ее охраняют не хуже казны правителя. Кто она?

– Вроде бы, дочь старшего тамкара из Ниневии. Как будто, ее выкрали. Хозяин хотел продать девчонку обратно отцу.

– Зря старался, – махнул рукой жрец. – Она упала в цене. Старшего тамкара Ниневии казнили. – Ее и этого мальчишку – звереныша – ко мне в храм.

Элиль сообразил, что речь идет о нем и о маленькой уз-

нице. Теперь-то любой ценой надо бежать. Он решил прокрасться в дом охранников и стащить какое-нибудь оружие, хоть тупой нож. Осторожно проскользнул в храм. Решил спрятаться до темноты в саду...

– Вот ты где! – двое охранников неожиданно вышел из-за угла и схватил Элиля за руки. – Пошли. Тебя новый хозяин ищет.

Побег

Толстый жрец Баала опустил свое необъятный зад на изящный стул первого жреца Мелькарта, всем своим довольным видом показывая, что теперь он в этом доме господин, и все здесь принадлежит ему. Стул жалобно скрипнул под тяжестью туши в пестрых одеяниях. Элиля бросили перед первым прорицателем. Рядом, на коленях стояла маленькая узница и дрожала. Глаза ее блестели от слез.

– Что прикажешь с ними делать, – спросил распорядитель храма Мелькарта, преданно заглядывая в глаза новому хозяину, словно провинившийся пес.

– Сколько платил правитель Алалаха за этого щенка, – спросил первый жрец у казначея храма. Тот поднес ему глиняную табличку с расчетами. – Всего то? – хмыкнул он, почесывая свисающий живот, сквозь дорогую тонкую ткань. – Нацарапай послание. Узнай, сколько он хочет за смерть щенка. А пока приказываю мальчишку кастрировать. Если не получу всей суммы, то хотя бы сделаю из него блудницу.

– А с девчонкой что? – поинтересовался распорядитель. – Ее тоже в блудницы.

– Маленькая она еще, – презрительно взглянул первый жрец на худенькую узницу. – Тонкая какая. Плечи костлявые. А зад... Кто на нее позарится. Пока ее раскормишь, да вырастишь, – безнадежно махнул рукой. Тут же нашел вы-

ход: – Мы принесем ее в жертву Баалу. Через два дня праздник. Вот, сделаем подношение от храма.

Услышав, что ей предстоит стать священной жертвой, с девочкой случилась истерика.

– Дурочка, – холодно успокаивал ее первый жрец. – Тебе выпала великая честь: будешь сожжена на празднике в чреве Бала и преобразишься в невесту Бога. Уберите их.

Детей отвели через весь город в храм бога Баала. Святилище стояло на скале в северной части острова. Как и храм Мелькарта, оно возвышалось над островом. Отсюда открывался вид на весь город с Северной и Южной гаванью. К храму вели широкие ступени. Высокие стены со стрелковыми башнями из отесанного камня выглядели неприступными. Взойдя по лестнице, дети оказались перед высокими резными воротами. Стражники с копьями показали, куда отвести рабов.

Надсмотрщик втолкнул их на широкий двор, замощен ровными прямоугольниками каменных плит. По периметру красовались колонны, украшенные позолотой. За ними угадывались двери в жилые и служебные помещения. Посреди двора росла священная олива, под ней два озерца правильной круглой формы, наполненные прозрачной водой. В глубине двора стоял каменный куб самого храма. Перед входом два высоких золотых столба. Ужас заставил холодок пробежаться по спине, когда Элиль увидел огромную голову быка. Рогатая голова возвышалась над всеми строениями

и принадлежала самому Баал-Хамону. Бог стоял на площади за зданием храма. Величественное изваяние, отлитое целиком из меди, протягивало длинные руки вперед с широкими ладонями, требуя жертву.

Потом Элиль узнал, что тело бога внутри полое. Во время жертвоприношений жрецы разводили во чреве бога огонь, как в печи. Пламя протяжно ревело, заставляя людей содрогаться от страха, — это Баал пел. Глаза светились во тьме. На распростертые ладони клали жертву. Под действием скрытых блоков жрецы поднимали руки Баала вверх, и жертва проваливалась в пылающий рот. Именно так должна была погибнуть маленькая узница.

Элиля и девочку отвели в подвал. Их впихнули в темное помещение. Металлическая решетка громко лязгнула, прочно закрывая вход. Девочка плакала. Элиль, как мог, старался ее утешить. Когда глаза привыкли к темноте, то он увидел низкие каменные своды и влажный земляной пол. Помещение, куда их посадили, оказалось обширным. По стенам шли дощатые лежанки. На лежанках теснились люди. Они безучастно глядели на вновь прибывших. Да не люди. Это были дети: кто помладше, кто постарше Элиля. Он подвел рыдающую девочку в самый сухой угол. Там сидели, взобравшись с ногами на лежанку несколько мальчиков чуть старше его. Элиль живо растолкал их, одного сдернул на землю. Когда тот попробовал возразить, то получил крепкий удар в челюсть. Больше не спорил.

Он усадил девочку на доски. Она вся сжалась, но не отпустила его руку. Вцепилась так крепко, что кисть немела.

– Что с нами будет? – сквозь рыдания прошептала она.

– Я вытащу тебя. Я обещаю, – попытался успокоить ее Элиль.

– Правда? Вытащишь?

– Слово воина! Спасу тебя или погибну, – поклялся Элиль, но тут же пожалел о сказанном. Теперь он обязан был выполнить клятву, чего бы это ему не стоило. Только, как это сделать? – Как твое имя.

– Мелина.

– Вдохни глубоко, Мелина и произнеси молитву. – Если ты чиста перед своими Богами – они тебя не оставят, – попытался хоть как-то утешить ее Элиль.

– Хорошо. – Она немного притихла, шепча молитву, но худенькие плечики все еще вздрагивали.

У решетки возникла тень. Кто-то крался вдоль стены.

– Элиль! Ты где? Элиль! – позвали из темноты.

Мальчик узнал голос однорукого охранника. Он хотел броситься к решетке, но Мелина вцепилась еще крепче в руку тонкими пальчиками и умоляла:

– Не бросай меня одну! Не уходи!

– Я сразу же вернусь, – пообещал Элиль. – Куда я денусь? Не бойся.

Она нехотя разжала пальцы. Элиль подбежал к решетке.

– Мальчик мой, – горестно вздохнул старик. – Плохи твои

дела. Уж очень тебя возненавидел новый хозяин. Недолго тебе осталось...

– Сам знаю, – огрызнулся Элиль. – Без того муторно на душе, ты еще хоронишь меня. Зачем пришел? Жалеть? Не нуждаюсь!

– Вот, пришел, – старик горестно покачал головой. – Прикипел я к тебе. У меня детей никогда не было... Ой, как жалко мне тебя...

– Не время слезы лить. Рано еще. Помоги мне бежать. Бесцветные глаза старика удивленно забегали.

– Но как? Сбежать с острова невозможно. Если только через два дня... Будет проходить праздник в честь Баала-Хамона. Заодно в этот день собрались кремировать нашего хозяина. Все перепьются перед жертвоприношением. Обычай здесь такой: пьют до беспамятства, затем оргии устраивают. Может тогда попробовать? Но из подземелья надо еще выбраться. Вход надежно охраняют.

– А ты как прошел?

– Охранник знает меня. Попросил присмотреть за входом, пока он по нужде сбегает. Да не думай ты о побеге. Даже если выйдешь наверх, что потом? Как ты храм покинешь? Через стену не перелезть. На воротах сторожа...

– Не сомневайся, – заверил его Элиль. – Выберусь из подземелья и через стену перелезу.

– Вплавь до Ушу не доберешься? Утонешь. В проливе всегда большие волны. Расшибет тебя о камни. Лодку укра-

дешь? Ну и куда дальше? Ой, худо! – вновь принялся цокать языком старик.

– Мне нужен нож. Хоть какой-нибудь, старый. Если будет нож – я выберусь, – твердо сказал Элиль.

– Ох, мальчик, погибнешь, – причитал старик, безнадежно качая головой.

– Не все ли равно, как пропадать? Достань нож, – не просил, требовал Элиль.

Однорукий охранник помедлил.

– Нет! – Решительно мотнул он головой с редкими седыми космами. – А если тебя с ножом поймают, да будут пытаться: где взял...

– Не бойся. Из меня ничего не вытянут. Не выдам. Клянусь родной землей.

– Это ты сейчас так говоришь, а как покрутят перед носом раскаленными клещами.., – Он сделал жест, как будто держал клещи в руке.

– Чего ты вообще сюда пришел? – разозлился Элиль. – Достань нож. Прошу тебя.

– Нет. И не думай, – в ужасе воскликнул старик.

– Эх ты, вояка. За шкуру свою дрожишь, – Элиль презрительно отвернулся. – А еще хвастался, что у Азиру колесничим служил...

– Да пойми: не убежать тебе!

– Принеси нож, я, хоть, вены себе вскрою.

– Не говори так!

– Заклинаю твоими богами...

Но старик бросился к выходу, не желая слушать.

У Элиля все вскипело в душе. Опять его предали! Он вцепился в холодные прутья решетки, так, что пальцам стало больно.

Зашуршали шаги. Это вернулся калека. Элиль не взглянул на него, выражая тем самым презрение, но вдруг ощутил прикосновение холодного металла к руке. Нож!

– Я отплачу тебе добром, – пообещал он, хватая клинок.

– Ох, мальчик, мальчик. Сначала выйди живым отсюда... Мне пора, – оглянулся старик.

– Эй! Однорукий! – раздался сверху недовольный окрик. – Куда пропал?

– Здесь я. Решил посмотреть, что в подвале.

– Вина там нет, – засмеялся стражник наверху. – И незачем шастать в темноте. Ноги переломаешь. Поднимайся быстро.

Старик заковылял к лестнице. Элиль взобрался на прежнее место на нарах. Мелина все это время не знала покоя. Девочка вновь вцепилась в Элиля. Он отвернулся к стене, чтобы никто не видел и ощупал нож. Старое бронзовое лезвие от частых заточек стерлось дугой. Деревянная ручка треснула. Но все же – это было оружие. Элиль вновь воспрянул духом. Хоть с дрянным ножом, но он почувствовал себя воином. Осталось надеяться на Богов и поджидать удобного случая...

Их кормили два раза в день. Приходили надсмотрщики, отпирали решетку, ставили на пол блюдо с хлебом, кувшин с водой, чан с фрук-тами. Как только сторожа уходили, самые сильные набрасывались на еду, словно голодные хищники. Слабым ничего не доставалось. Элиль решил прекратить безобразие. Двоим от него попало крепко. Дрался он, словно зверь, бил беспощадно. Заставил делить еду поровну на всех.

На третий день яркий свет от факелов озарил подземелье. Тяжелой поступью вошли охранки. Следом, важно переваливаясь с ноги на ногу, появился старший жрец Баала. Облако аромата от дорогих притираний окутывало его. Пурпурное праздничное облачение так и сияло серебряными и золотыми нитями. Напомаженная уложенная борода лоснилась от масла. Он брезгливо морщил мясистый нос и визгливо восклицал:

– Фу! Какая вонь!

Детей заставили встать на колени перед грозным жрецом. Он же осмотрел всех, указывал пухлым пальцем, давая распоряжения:

– Вот этого и этого отдать в красильный цех. Тех, что покрепче, – на виноградники. Вон того, пухлого – в попрошайки. Девочек к блудницам на обучения. Погодите. Вон ту девчонку, – его пухлый палец, унизанный перстнями, показывал на маленькую Мелину, – подготовьте для жертвоприношения. Покройте руки и лицо золотой краской и оденьте

в красные тряпки.

Элиль стоял рядом и почувствовал, как Мелина вздрогнула всем телом и часто задышала. Он нашел ее руку и крепко сжал, чтобы она не расплакалась.

– А про этого щенка я совсем забыл, – Элиль получил удар сапогом в плечо и отлетел к стенке. – Почему его еще не оскопили?

Стражники виновато пожали плечами.

– Пусть здесь, в подвале посидит. После праздников я сам его оскоплю и отправлю к блудницам на обучение.

Всех детей увели. Они остались с Мелиной вдвоем в сырой темноте подвала. Долго сидели на холодном полу. Мелина не плакала. Она впала в оцепенение. Смотрела пустыми глазами, не мигая, в маленькое окошечко, в котором небо темнело, покрываясь звездами.

Город уже праздновал. Снаружи доносились радостные крики. Хор кастратов затянул гимн. Пришел стражник с чаном. Он еле держался на ногах. Стражник принес целый чан хлеба и полугнилых фруктов. Факел, который он нес в другой руке, никак не получалось всунуть в кольцо держателя. Наконец удалось.

– Пожрите последний раз, – снисходительно промычал он. Язык заплетался. Удивленно оглядел подвал, глупо хлопнул осоловелыми глазами и спросил: – А где все? А! – что-то вспомнил и попятился.

Стражник закрыл засов – тяжелый деревянный брус опу-

стил в скобы. Надо было еще примотать веревкой для надежности. Но руки его не слушались. Он долго мучился с петлей, плюнул и не стал завязывать. И без того тяжелый засов не открыть изнутри.

А с улицы доносились песнопения. В окошке то и дело мелькал свет от факелов. Элиль вынул из схрона под нарами нож, подошел к решетке, просунул наружу лезвие. Напрягся, пытаясь приподнять засов. Брус чуть-чуть пошел вверх, еще... еще... Элилю не хватило сил. Брус сорвался и опять лег в скобу.

Элиль бешено метался из угла в угол, придумывая, как скинуть засов. Он подбежал к дощатым лежанкам и отколол ножом длинную щепу. Снова ринулся к решетке.

– Хватит сидеть! Помоги! – грубо крикнул он девочке.

– Что? – словно во сне произнесла она. Медленно поднялась, подошла.

– Держи! – он всунул ей в руки щепу. – Я приподниму брус, а ты вставь щепу.

Все получилось. У Мелины кисть тоненькая. Она высунула руку с щепой наружу и вставила деревяшку в щель между брусом и скобой. Элиль отколол еще одну, вновь приподнял брус. Мелина всунула в щель вторую щепу. Мальчик напрягся из последних сил, поднимая кончиком ножа брус. Щепки выпали, а засов вновь соскользнул в скобу.

– Ничего не выйдет! – От отчаяния он чуть не заплакал.

– Мы за девчонкой, – услышали они сверху.

– Готовить ее будете? – усмехнулся стражник. – Повесьте на шею побольше приправ, чтобы душок шел ароматный, когда гореть начнет.

Последовало пьяное грубое ржание.

– Пришли за мной! – вздрогнула Мелина, и как-то сразу стала еще меньше, сжалась. – Прощай!

Элиль отошел в тень и вжался в стену. Трое пьяных жрецов, кое-как отперли дверь, схватили Мелину и увели. Жрецы были до того одурманены вином, что не заметили мальчика. Но еще... последний жрец попытался приладить брус в скобы, но его качнуло. Он схватился за решетку, выронил засов. Долго стоял над ним, покачиваясь из стороны в сторону, наверное, размышляя: поднимать брус или нет. Наконец выругался и, держась за стенку, поплелся к выходу. Тяжелый брус так и остался валяться на полу.

Сердце тревожно запрыгало. Элиль вышел из тени, осторожно навалился на решетку, она отъехала в сторону. Голова загорелась. В теле появилась легкость. Элиль прокрался по нескончаемому темному коридору мимо винного склада, мимо множество ниш, заваленных барахлом: какие-то кувшины, тряпки, ломаная мебель. Лестница вели вверх, к двери. Элиль остановился и постарался унять нервную дрожь. Сердце билось, словно молот по наковальне. Правая рука стиснула нож так сильно, что легче отрубить кисть, чем выбить клинок. Он поднялся по холодным шершавым ступенькам, осторожно приоткрыл створку и выглянул на улицу.

Снаружи праздничный шум. Элиль разглядел обнаженные широкие спины двух стражников. Короткие пики в руках. Мимо них не проскочить. Что делать? Искать другой выход?

– Так и будем здесь торчать всю ночь? – недовольно проворчал один из сторожей заплетающимся языком. – Все веселье пропустим. Сбегай, еще вина принеси, да закусить чего-нибудь.

– Ладно, схожу, – согласился второй и нехотя, спотыкаясь, побрел за угол, к кухне.

Остался один. Но ничуть не легче. Как с этим справиться? Вдруг стражник икнул, произвел утробное рычание и перегнулся через кусты, выворачивая желудок. Медлить нельзя. Элиль приоткрыл дверь шире и вышел наружу. Все бы ничего, но дверь предательски скрипнула. Стражник обернулся, вытирая тыльной стороной ладони слюнявый рот.

– Ах, ты..., – он потянулся за копьем, которое бросил на землю.

Элиль сам не понял, как все произошло, как будто – это не он. Мальчик метнулся к стражнику и вогнал нож в ягодицу чуть ли не по самую рукоять. Сторож дико взвыл и повалился в кусты. Элиль за ним: не хотелось расставаться с ножом. Он еле выдернул клинок из плоти. Стражник продолжал истошно орать, а беглец юркнул за угол.

Очутившись в тени храмового здания, он прикинул, как можно перебраться через высокую стену. Вход, наверняка,

хорошо охраняют. Элиль перерезал веревку на шее с деревянной табличкой и со злостью швырнул ее подальше в кусты. Раненый в зад продолжал орать, но вопли его утопали в шуме веселящейся толпы за стеной. Элиль нащупал выступы в каменной кладке и попробовал взобраться наверх, но тут же остановился. Неожиданно вспомнил: он дал слово воина, что не оставит Мелину. Слово воина нельзя нарушать – тяжелее греха не бывает. Если дал слово воина, умри – но сдержи. Боги не прощают клятвопреступников ни в жизни, ни после смерти. Только, где искать Мелину? Элиль ощупью прокрался вдоль глухой стены храма. Охранник за спиной продолжал визжать.

Из дверного проема ударил свет. Створка глухо стукнулась о стену.

– Кто там орет? – пьяный жрец высунул красную рожу, часть моргая.

Элиль замер. Крепче сжал нож.

– Народ гуляет, – предположил другой голос из глубины помещения. – Не отвлекайся. Мешай краску. Девчонка уже готова. Покрасим ее в золотой цвет, а волосы в серебряный.

Элиль заглянул в проем. Он попал, куда нужно. Обнаженная Мелина стояла на грубо сколоченном деревянном столе. Рыжие волосы рассыпались по плечам и спине. В небольшой мастерской находились все трое пьяных жрецов. Один мешал краску в глиняной ступице, остальные двое пытались сообразить, как лучше обернуть жертвенного ребенка в ку-

сок дорогой пурпурной ткани. Кругом в помещении кривые этажерки с кувшинчиками, углы завалены хламом – беспорядок и грязь.

– Жаль такую дорогую ткань, – качал головой мастер. – Может, в мешковину ее обернем – все равно сожгут девчонку – а ткань спрячем, потом продадим.

– Идиот! – постучал его по лбу кулаком поделщик. – Мешковина не пурпурная. А если заметят?

– Кто заметит? – возмущался мастер. – Все так перепьются... Да еще в темноте... Цветочных гирлянд побольше навешаем на девчонку.

– Краска плохо размешивается. Я спущусь в подвал за маслом, – объявил тот, что трудился над смесью. Он отставил в сторону ступицу, откинул тяжелую крышку в полу и спустился вниз. Где-то под полом раздалось звяканье и бульканье.

– Эй! – встрепнулись его товарищи. – Он вино наше последнее выпьет.

Чуть ли не на карачках, они полезли в подвал. Как только жрецы скрылись в подполье, Элиль заскочил в мастерскую. Мелина вскрикнула. Мальчик захлопнул дверцу, ведущую в подполье.

– Кто там безобразничает! Быстро открой! – раздались глухие недовольные окрики.

Но Элиль уже ронял сверху этажерку, с кувшинами. Сосуды с треском разлетелись на черепки. Какая-то жидкость

растеклась по полу маслянистым пятном.

Он обернулся к девочке. Та замерла на месте, стыдливо скрестив руки на груди. В глазах ужас. Рот открыт.

– Пошли! Или хочешь гореть во чреве Баала? – вывел он ее из оцепенения.

Мелина спрыгнула со стола, схватила кусок пурпурной материи, ловко обернувшись в него, соорудив подобие платья.

– Ты пришел за мной! Тебе удалось! – Ее глаза вспыхнули от восхищения.

– Быстрее! – поторопил Элиль. – Мы еще не на свободе.

Пол вздрагивал от ударов. Жрецы пытались выбраться, но этажерка оказалась неподъемной. Дверца чуть приоткрылась. Высунулись пальцы. Элиль прыгнул сверху. Пальцы исчезли, а снизу донося грохот и истошный вопль.

Беглецы рванулись к выходу из храма. Кругом стража. Через кусты! Забор! Элиль помог Мелине вскарабкаться на невысокую стену. Девочка оказалась ловкой. Влез сам. Они спрыгнули вниз. Очутились в темной аллее священных олив. Элиль заметил в стене калитку. Не заперта! По узкому проходу они выбежали прямо на храмовую площадь. Перед медным идолом Баала возвышался штабель из бревен. На верхушке, в окружении гирлянд цветов возлежало тело первого жреца Мелькарта. Толстый верховный жрец Баала ходил вокруг штабеля, брызгал священной водой из золотой чаши и читал заклинания. Напротив похоронного уктури стояла толпа разодетых вельмож, скорбно склонив голо-

вы. Сам правитель Тира находился среди городской знати.

Но Элилю некогда было любоваться правителем и его окружением. Надо было как-то выбраться за стены храма. Да побыстрее, пока их не хватились.

– Дети, вы что здесь делаете? – К ним сзади подошел жрец в нарядном желтом облачении.

Это конец! Элиль заложил за спину руку с ножом, готовый напасть в любой миг.

– Мы заблудились! – плаксиво пропищали Мелина. Наша мама там, – она указала в сторону города.

– Но как вы сюда попали?

– Это все он, – девочка скривила лицо и кулачком ударила Элиля в грудь. – Хотел поближе подойти. Посмотреть, как душа старшего жреца Мелькарта превратится в птицу и вознесется на небо. Теперь нас накажут.., – она правдоподобно разрыдалась.

– Не хорошо! – погрозил жрец пальцем Элилю. – Зачем озорни-чаешь, да еще сестру за собой тащишь. Не плачь, малышка. Я выведу вас в город, а там: сами ищите свою маму.

Добрый жрец, заметив на Мелине платье из дорогой пурпурной ткани, решил, что встретил детей знатных родителей. А с такими детьми надо быть учтивым: мало ли – потом вспомнят о его доброте, еще и родители наградят. Он провел их к потайной калитке, отпер ее и выпустил детей в город.

– Молодец, – похвалил Элиль свою спутницу, переводя дух.

– Куда теперь, – Мелину колотил нервный озноб так, что зубы стучали.

– В порт, – уверенно указал Элиль вниз по улице.

– А что там?

– Придумаем.

В городе народ шумным потоком валил к храму Баала-Хамона с песнопениями и пылающими факелами. Все пьяные, веселые, наряд-ные. Только Элиль и Мелина продирались против течения. Но на них не обращали внимания. Наконец они выбрались в спокойный проулок, бежавший вниз. Там, впереди в темноте плескался прибой. Оттуда пахло свободой. Но проулок неожиданно свернул, пошел круто вверх, и беглецы выскочили прямо к ненавистному храму Мелькарта. Как они здесь очутились, сами не поняли.

Элиль дернулся назад, но было уже поздно. Двое мальчишек из охраны, те, что дрались с ним, заметили беглецов и кинулись в погоню, размахивая палками.

– Попались! – Элиля и Мелину прижали к стене.

– Отпустите нас, – попросил Элиль. Сам за спиной пряча нож. Если что, он успеет одному из них перерезать горло.

– Нет, не отпустим, – злорадствовали юные стражники. – Теперь нам за беглых рабов дадут по медному сикелю.

Мальчишки держались поодаль, угрожая палками. Если Элиль замешкается, его оглушат. Тогда и нож не выручит. Он решил хитрить.

– Ну и что с того? Все равно старшие отберут у вас плату.

– За то нас будут уважать: мы поймали беглых рабов.

– Все равно, вы останетесь в услужении храма на всю жизнь. – Элиль решительно шагнул вперед. Мальчишки замахнулись, готовые обрушить удары на его голову. Но он ошарашил их, предложив: – Хотите, я вам дам золота, а вы меня отпустите.

– Чего? – засмеялись юные стражники. – Откуда у тебя золото?

– Я знаю, где у хозяина тайник, – спокойно объяснил Элиль. – Вы можете взять оттуда, сколько хотите – золото все равно никто не считал, кроме хозяина – и отдать родителям. Они вас выкупят.

Стражники задумались. Глаза их забегали.

– Как ты узнал про тайник? – все еще не верили они.

– Случайно увидел.

– Пошли, покажешь. Но если нас обманешь, мы тебя изобьем.

Все вместе двинулись к дому покойного жреца Мелькарта.

– Не через ворота, – поманил один из юных охранников. – У нас есть свой тайный лаз через забор.

Заговорщики нашли низкую часть стены, перелезли по небольшой приставной лестнице, забытой в кустах садовником. Элиль помог девочке. В доме царила тишина. Сто-рожа и слуги праздновали в храме Баала, поручив охранять добро собакам. Но сторожевые псы знали мальчишек и не стали поднимать лай. Заговорщики прошли в зал для

приемов. Элиль подошел к золотому изваянию Мелькарта и повернул его.

– Что ты делаешь! – испугались юные стражники. – Нельзя трогать Бога.

– Для вас он Бог, Для меня – нет, – презрительно бросил Элиль, открывая потайную дверь в стене.

Мальчишки ахнули при виде стольких сокровищ. Они зачарованно смотрели на груды золота вперемешку с драгоценными камнями. Тут же рулоны дорогой пурпурной ткани и мешочки, набитые бесценными благовониями. Они побросали палки и принялись разглядывать сокровища, осторожно прикасаясь к шкатулкам с драгоценностями.

– Я выполнил обещание, – напомнил Элиль.

Но те не обращали на него внимания, замороженные видом стольких богатств.

– Что вы здесь делаете!

Воришки вздрогнули от сердитого окрика. Попались! В дверях возник слуга. Но присмотревшись, Элиль узнал однорукого стражника. Мальчишки-охранники упали перед ним на колени и взмолились: не выдавать их. Все это он – раб. Он показал тайник. Они даже не хотели ничего трогать.

– Заткнитесь! – прикрикнул на них старик. – Я вас не выдам. Берите ровно столько, сколько должны ваши родители храму. Пусть выкупят вас. И марш ворота охранять.

Обрадованные мальчишки схватили по несколько золотых колец и убежали.

– Ты все-таки выбрался, – улыбнулся старик. – Там такой крик подняли: стражника прирезали. Здорово ты ему в зад пырнул.

– Твой нож, – Элиль протянул ему окровавленный клинок.

– Оставь себе. Пригодится. Я, лучше, золота немного прихвачу, да обратно тайник закрою. Его все равно скоро найдут, а мне погулять на недельку, хорошего винца попить. Ты, вот что, сейчас из ворот, сразу направо. Спустишься по улочке рыбаков. Там увидишь за последним домом большой камень, за ним тропинку. По тропинке попадешь в рыбацкую гавань. Там – лодки.

– Спасибо тебе за все! – поблагодарил Элиль старика.

– Постой! Заскочи на кухню. Повар пьяный валяется, тебя не заметит. Захвати кусок мяса.

– Зачем? – удивился Элиль

– Лодки собаки охраняют. Дашь мясо – они не тронут. Я бы сам тебя проводил, да куда с ногой, со своей. Ты шибче меня бегаешь. Торопись, пока не хватились.

Город кончился. За покосившимся забором последней халупы торчал огромный валун. Сбежав по крутой тропинке, беглецы услышали плеск волн. Луна взошла из моря, отбрасывая на черную воду трепещущую серебристую дорожку. Несколько утлых лодочек покачивалось на волнах. Иные валялись на берег кверху днищем. С лаем бросились псы. Элиль кинул им мясо. Псы тут же переключились на еду, за-

теяли свору.

Тем временем Элиль помог своей спутнице забраться в одну из лодок, обрезал веревку, удерживавшую суденышко и запрыгнул сам. Распустил небольшой треугольный парус. Ветерок подхватил лодочку и легко понес в открытое море.

Все! Позади остался проклятый остров. Элиль встал за комовое весло. Не хватало дыхания от нахлынувших чувств. Он – свободен! Он снова человек! Вольный человек!

Элиль оглянулся. Холодный скалистый берег, подсвеченный луной, удалялся. Наверху в городе полыхало зарево от погребального костра. Мелькали факела. Даже отсюда можно было различить Медную бычью голову Баала, а в другом конце острова, высоко на скале призрачно сияли в лунном свете золотые столбы храма Мелькарта.

Элиль отвернулся и больше не желал смотреть назад. Только вперед! К долгожданной свободе!

Куда он правил – не знал. Доверился ветру и Богам-покровителям. Звезды и луна исчезли. Море слегка волновалось. Мелина затихла на дне лодки. Бедняга устала и клевала носом. Элиль сам, сколько мог, держался. Потом устал стоять, присел, закрепил веревкой рулевое весло. Глаза закрылись сами собой.

Холодные брызги заставили очнуться. Ветер рвал парус. Лодку раскачивало на огромных волнах. Эллию показалась, что он валится в бездну, но через мгновение взлетает в небо. Кругом темень и шум. Мелина не спала. Она сидела чуть

живая, вцепившись в борта. Очередной порыв ветра сломал мачту. Накатила волна, переворачивая лодку.

Элиль вынырнул на бушующую поверхность. Наглотался горькой воды. Где Мелина? Она выплыла совсем рядом и барахталась, пытаясь удержаться. Элиль поплыл к ней. Новая волна накрыла с головой. Элиль успел схватить девочку за волосы и не дал ей уйти вниз. Но, сколько так они продержатся? Рука наткнулась на что-то твердое. Лодка! Суденышко оказалось плавучим. Его перевернуло вверх килем. Но рыбаки делали свои посудинки с умом: не просто ее потопить. Элиль помог Мелине вскарабкаться на киль. Сам остался в воде.

Самые большие волны прошли, и теперь их болтало, как листок с двумя муравьями. Ночь тянулась ужасно долго. У Элиля силы заканчивались. Иногда он впадал в забытие. Голова кружилась, он соскальзывал вниз под воду, но тут же жажда жизни заставляла из последних сил вновь хвататься за скользкие доски. Иногда Элиль проверял, надежно ли Мелина лежит на лодке. Руки девочки крепко держали киль, но и она уже теряла сознание.

На ум сам собой пришел заговор старшей сестры:

Бог Грозы, мой покровитель!

От стрелы твоей загорается могучее дерево,

Скала рушится от голоса твоего!

Но птицу ты не сможешь ранить,

Она невредимая летает перед грозным ликом твоим.

Я – птица! Ты – мой покровитель!

Он повторял его раз за разом...

Элиль даже не заметил, как небо начало светлеть. Волны утихли совсем, превратившись в частую мелкую рябь. Нигде не видно берега. Только сплошная серая морская равнина. Огромный красный шар поднимался над горизонтом. Элиль уставился на него, стараясь не провалиться в забытие. Уже половина шара торчало над горизонтом. Внутри образовалось черное пятно. Мерещится? Пятно росло, становилось угловатым, с рваными краями. Наконец выросло, закрывая собой весь пылающий шар, и превратилось в огромный красивый корабль.

Часть вторая «Та-Кемет»

Чёрная земля

Элиль проснулся не сразу. Медленно и неохотно выходил из забытья. Сначала угас красочный сон, из которого он ничего не запомнил, потом появились звуки и ощущения. Но он не хотел просыпаться. Нет ничего приятнее: лежать на мягкой подстилке, под теплым шерстяным пледом. Слегка покачивало... Мерная болтанка убаюкивала, как в колыбели... Где он? На корабле! Элиля бросило в жар. На чем? Опять на пиратском? Сердце тревожно ухнуло.

Он открыл глаза и резко поднялся. Чуть не вскрикнул от боли: все тело ломало, как будто его долго били палками. Он огляделся, с трудом поворачивая шею. Просторный пол из прочной белого материи светился от яркого солнца. Рядом сопела и мурлыкала во сне Мелина. На бледном измученном личике с потемневшими веками играла счастливая улыбка. Длинные реснички чуть подрагивали. Темные рыжие спутанные волосы разметались вокруг головы.

Элиль пощупал широкую лежанку. Мягкая солома, сверху льняная подстилка, набитая овечьим пухом. Его с Мелиной укрыли красивым шерстяным пледом с пестрым незнакомым орнаментом. Видать, хозяин корабля сказочно бо-

гат. Но что за корабль? Куда плывет? Элиль прислушался. По шлепанью весел прикинул: гребцов – человек двадцать. Вода весело журчала за бортом. Судно большое, шло ровно, без сильной качки. Только – куда?

Мальчик решил выглянуть наружу.

– Элиль? – проснулась Мелина. – Где мы?

Девочка сонно хлопала глазами. Попыталась вцепиться в руку Элиля.

– Тихо! – цыкнул он.

Мальчик откинул плед и подобрался к выходу. Осторожно выглянул в щелочку. Длинная палуба изгибалась полумесяцем. Доски широкие, без единого сучка. Нос задирался вверх и заканчивался площадкой для лучников, защищенной прочными деревянными щитами. Корабельные борта высокие. Толстая мачта уходила в небо. Огромный парус надежно держал ветер. Корабль не торговый, сразу сообразил Элиль. На палубе чисто, полный порядок: бухты канатов скручены виток к витку, большие кувшины с питьевой водой выстроились ровным рядом – все на своем месте, ничего лишнего. Судя по чистоте и порядку – они находятся на военном судне.

Элиль высунулся из шатра и сразу наткнулся на высокого смуглого человека. Из одежды на нем был только кусок ткани на бедрах, повязан каким-то особым способом в виде фартука, спускавшегося до колен. Лицо скуластое, чистое, без бороды. Голову укрывал платок немес, концы которого

свободно лежали на плечах. Элиль замер. Он не знал, чего ждать от человека. Но тот приветливо улыбнулся, растягивая большие губы, и мягко заговорил на непонятном языке. Задавал какой-то вопрос.

– Не понимаю, – покачал головой Элиль.

Из-за спины вынырнула Мелина и ответила незнакомцу на том же языке. Человек рассмеялся, подхватил ойкнувшую девочку на руки, легко, как пушинку. Поманил Элиля за собой.

Человек широко уверенно шагал, слегка вразвалку, как обычно ходят корабельщики. Элиль еле поспевал за ним. Прошли на корму мимо гребцов. Гребцы – совсем не невольники – все, как на подбор крепкие, плечистые в одних набедренных повязках и белых головных платках. Гребли стоя, да так налегали, что весла выгибались дугой. Корма сужалась и задиралась вверх, напоминая рыбий хвост. Двое кормчих управлялись с большими рулевыми веслами. У основания рыбьего хвоста, находилась еще одна площадка, служившая боевым постом для лучников. На площадке стоял небольшой стол. За столом на низеньком стульчике гордо восседал хозяин корабля. Строгое немолодое лицо чисто выбрито. Внимательные карие глаза глядели не мигая. Взгляд не выражал надменности и презрения при виде детей. Элиль за время рабства привык, что на него вечно смотрят, как на мерзкую тварь и был немного удивлен. Широкие развернутые плечи хозяина корабля и гордая осанка выдавали в нем воина. Оже-

релье из нескольких рядов золотых пластин украшало грудь.

Слуга опустил Мелину на палубу и поклонился господину. Элиль не знал, как поступать: кланяться или упасть на колени. Нет, на колени он падать не будет. Надоело. Он стоял, ожидая тычка сзади. Но тычок не последовал.

Хозяин корабля с интересом оглядел их с ног до головы, затем жестом предложил сесть напротив. Слуга тут же подвинул к столу два небольших стульчика со скрещенными ножками и низенькой спинкой. Мелина осторожно присела на самый краешек. Элиль колебался. Неужели ему предлагают сесть за один стол с господином? Хозяин мягко улыбнулся и повторил жест, указывая на стул. Элиль все же решил сесть.

Перед детьми поставили блюдо с дымящимися хлебными лепешками и по кружке молока. Элиль уже забыл вкус молока. Оно оказалось холодным и сладким, а лепешки горячие с нежной хрустящей корочкой. Он давно не ощущал в животе столь приятной тяжести. Но, ни Элиль, ни Мелина много съесть не смогли – отвыкли.

Покончив с едой, Элиль все еще недоверчиво поглядывал на хозяина корабля. Тот терпеливо ждал, когда дети насытятся, затем задал вопрос на незнакомом языке. Мелина ответила. Хозяин понимающе кивнул и заговорил на чистом хурритском:

– Расскажите, как вы оказались в открытом море? Откуда вы родом?

Дети переглянулись и опустили глаза. Нелегко признаться, что сбежали из рабства. Кто знает, что у чужеземца на уме? Сделает детей своими рабами или решит вернуть их в Тир за вознаграждение.

– Ничего не бойтесь. – Хозяин корабля понял, о чем подумали дети. – Имя мое Птахмоз. Я являюсь посланником во все чужеземные страны и служу правителю Обеих Земель²⁷.

– Куда направляется твой корабль? – осторожно поинтересовался Элиль.

– В благодатную Та-Кемет²⁸. Надеюсь, при попутном ветре, через несколько дней пристанем к набережной славного города Хекупта.

Та-Кемет! У Элиля отлегло от сердца. Значит, они не у разбойников с островов и не у работорговцев из Приморья. Он слышал, что Черная Земля – страна вольных людей. Но все же...

– Ты нас не выдашь? – спросил он, недоверчиво взглянув в лицо хозяина корабля.

– Красный след на твоей шее оставила веревка раба, – угадал Птахмоз. – Я не люблю рабство и сам не содержу невольников, тем более детей. Но мне надо знать о вас хоть немного, чтобы поступить правильно. Не бойтесь, хозяевам я вас

²⁷ Обе Земли – Верхняя земли и Нижняя земля, так делился Древний Египет. Границией земель являлся город Хекупта.

²⁸ Та-Кемет – древнее название Египта, буквально Черная Земля.

не верну. Отныне вы – свободны. Клянусь кровью, что течет в моих жилах. Амуна²⁹ беру в свидетели. – Он протянул открытые ладони к солнцу.

– Мы сбежали с Цора. Ее хотели принести в жертву Бал-Хамону, меня кастрировать и превратить в блудницу, – выложил Элиль, окончательно поверив корабельщику.

Глаза посланника потемнели.

– Бедные дети! И как вам удалось сбежать?

– Помогли. Даже в Тире есть добрые люди.

– Пусть Боги наградят их за милосердие. Но вы же не родились в рабстве. Я видел много детей-невольников. У тех в глазах бессмысленный страх, и голова вечно нагнута в поклоне.

– Я сын правителя Алалаха, – решил быть до конца открытым Элиль. Посланник ему внушал доверие.

– Нахита? – оживился посланник.

– Ты знаешь моего дядю? – глаза Элиля вспыхнули. – Но он не правитель. Правит Алалахом мой отец, благородный Муршеш.

Посланник лишь покачал головой, выражая сожаление.

– Твой отец погиб.

Элиль вскочил с места, но тут же опустился обратно. А что он еще мог услышать? Он же чувствовал... Подавив отчаяние, мальчик спросил:

²⁹ Амин или Амон -древнеегипетский бог Солнца, затем царь богов и покровитель власти фараонов

– Ты был в Алалахе?

– Нет, я вел переговоры с правителем Угарита.

– А что-нибудь слышал об Алалахе. Хоть какую-нибудь весть? Там осталась мама и сестры.

– Сейчас в землях Алалаха хозяйничают хетты – вечные наши враги. Правитель Обеих Земель, да живет он вечно, вековечно, вел в свое время переговоры с твоим отцом, предлагал поддержать Муршеша войсками. Но хетты опередили. Твой дядька, Нахит оказался предателем. Он открыл крепостные ворота перед войсками Муватилли и помог захватить город. Лабарна оценил предательство Нахита по заслугам и поставил его правителем в Алалахе. Это все, что я знаю. Если хочешь, я могу отослать тебя на попутном корабле в родной город.

Теперь он все понял. Вот, почему жрец Мелькарта так оберегал его. Нахит платил за тайну. Ведь, если народ Алалаху узнал бы, что наследник жив – восстания не избежать. И тогда... А что тогда? Нахита поддерживают хетты... тогда восстание потопят в крови, а Алалах будет разрушен.

– Нет! – покачал головой Элиль. – Мне сейчас нельзя в Алалах. Дядька убьет меня. Да и многие пострадают...

– Понимаю. – Посланник кивнул. – Что-нибудь придумаем. Ты не пропадешь в нашей стране. Сын правителя даже небольшого государства должен вырасти достойным человеком. А что твоя маленькая спутница? Она откуда?

– Я из Ниневии, – ответила Мелина. – Мой отец – глава

торговцев.

– И как ты оказалась в Тире?

– Как-то среди ночи отец поднял меня с постели, велел одеваться. Он был очень взволнован. Меня передали на руки Хабику. Хабики – кочевники и служил у отца проводником караванов. Мы отправились на ослах из города. Шли долго, примкнули к торговому каравану. Потом налетела песчаная буря. Все погибли. Хабики меня спас. Он умел выживать в пустыне. На руках донес меня к стану кочевников, вылечил. Но потом, почему-то отвез в Тир и отдал первому жрецу Мелькарта.

– Хабики предал тебя, – решил открыть ей правду Элиль. – Продал за хорошее вознаграждение. Но потом его самого прирезали. И все из-за золота.

– Он не мог! – попыталась возразить Мелина.

– Как же ты тогда оказалась в неволю?

Глаза ее набухли слезами. Крупные бусинки сорвались и мокрыми змейками скользнули по щекам.

– Почему отец не прислал за мной или сам не приехал? – она умоляюще смотрела на посланника. Что он ей скажет? Может он знает, что с ее отцом.

– Когда прибудем в Хекупта, я попробую разузнать, – пообещал посланник. – Но доходили слухи, что Ниневия подняла восстание против власти Ассирии. Восстание жестоко подавили, а город разрушили. Я надеюсь, что отец твой жив. Выясним. Пока отдыхайте. Вы – гости на моем корабле,

и здесь вам некого бояться.

Ветер гудел, надувая полотнище паруса. Весла дружно пенили воду. Белые чайки проносились над палубой, пронзительно крича. Мелина грустно смотрела на воду, стремительно убегающую назад. Из глаз срывались слезы. Их подхватывал ветер. Девочка дрожала, несмотря на яркое солнце.

– Тебе холодно? – спросил Элиль.

Она отрицательно покачала головой.

– Почему ты дрожишь?

– Что с нами теперь будет? Мне страшно, – подняла она на него печальные глаза.

– Страшно? После всего, что мы пережили? – удивился Элиль. – Не плачь и не дрожи. Будем жить.

– Но мы, ведь, одни. В Черной Земле, у нас нет никого.

– Не пропадем. Теперь мы свободны. Свобода – лучше любого богатства. На кусок хлеба я смогу заработать. Наймусь сторожем.

– Тебя возьмут? – засомневалась девочка.

– Возьмут. Ты же знаешь, как я умею драться. Может, в лучники городского отряда попрошусь или в помощники охотникам. Я слышал, что в Черной Земле не бывает голода. Там у всех есть работа, за которую хорошо платят зерном и одеждой. Тебя я не оставлю. Ничего. Выживем!

Плаванье проходило спокойно. Попутный ветер гнал корабль по изумрудному морю. Слева призрачно синела при-

брежная полоса. По ясному небу лишь иногда пробежали легкие облачка, но они не предвещали бури. Корабельщики оказались сплоченной командой. К детям относились добродушно и ласково. Все норовили отдать Мелине свою порцию сушеных фиников, что им полагалось к ужину. Вечно бурчали на повара: «Дай мальчонке мяса побольше. Мы – то потерпим, а он, видишь, какой худой. Девочке меда не жалея. И молока ей пожирнее наливай». «Почему вы за скупердяя меня считаете! – возмущался повар. – Нормально я кормлю детей. Они же не бегемоты – есть круглые сутки».

В трюме корабля держали корову, приученную к «морской жизни». Иногда, во время стоянок ее выводили на берег пощипать свежей травки. Молока она давала мало, но его хватало для завтрака хозяина. Перепадало немного и корабельщикам. Ну, а детям – по полной кружке всегда доставалось.

На рассвете третьего дня впередсмотрящий закричал с носовой стрелковой площадки: «Кемет! Та-Кемет!» Дремавшие корабельщики повскакивали и сгрудились на носу. Они радостно заголосили, бросились к веслам и с удвоенной силой налегли, подгоняя корабль. Море за бортом из прозрачного, голубого превращалось в желтое, мутное. Воды Великой Зелени, как в Та-Кемет называли море, мешались с водами Великого кормильца Черной Земли – Господина Хапи³⁰.

Хозяин корабля, облачившись в желтую мантию, поднял-

³⁰ *Хапи* – древнее название Нила

ся на кормовую стрелковую площадку, воздел руки к небу и протяжно громко произнес:

– О, Амун-Ра, господин вселенной! За спокойное путешествие благодарим тебя!

– Благодарим тебя! – хором воскликнули корабельщики.

– Обещаем принести достойные дары в храм твой и воскурить благовония перед светлым ликом Твоим.

– Обещаем! – выкрикнули корабельщики.

Хозяин закрыл глаза и стал читать нудную молитву на древнем языке, а мореходы, не отрываясь от весел, затаили гимн Амуну.

Мелина вздрогнула во сне и заплакала, кулачками растирая слезы, но не проснулась. Наверное, что-то страшное прикидилось.

– Тихо! Тихо! Спи! – Элиль погладил ее по голове, укутал плотнее в цветастый плед, сверху укрыл своим. Девочка повернулась на бок и вновь ровно засопела. Сам Элиль выбрался из шатра и взбежал на носовую площадку для стрелков. Широко расставив ноги, на площадке стоял старший над лучниками, внимательно окидывая взглядом приближающийся берег. На его суровом лице блуждала счастливая улыбка.

– Что там? – дернул его за руку Элиль.

– Черная Земля, – не отрываясь от созерцания виднокрая, ответил лучник. – Гляди! Нет на свете краше и богаче этой земли. Нет многолюднее городов и величественнее храмов.

Нет солнца ласковой, а хлеба вкуснее, чем в Та-Кемет.

Элиль увидел широкий поток, несущий бурые воды, а по берегам темнели вспаханные поля.

– Разлив начался, – довольно покачал головой старший лучник. – Видишь, как Хапи-отец перекрасился. Он оплодотворяет землю. Скоро поля скроются под водой. Земля радуется. Как только Хапи отпустит землю, она родит богатый урожай. А пока... ух как полноводен нынче Хапи-кормилец. Нелегко нам придется плыть до Хекупта. Ну, ничего, поспеем прямо к празднику. Знаешь, как весело во время Опета? Все, от младенцев до сгорбленных стариков ждут целый год этого праздника, готовятся. Ох, здорово будет!

С трудом корабль вошел в рукав и двинулся вверх, преодолевая напористое течение. Хорошо, хоть ветер поднялся сильный. За кормой недовольно клокотала бурая вода. А берега – уже вовсе не берега, а высокие заросли папируса и камыша – непроходимые дебри. А сколько птиц! Заросли кишели ими. Напуганные стаи тучами взмывали в небо, издавая шуршание тысячами крыльев.

– Там – суша? – Элиль указал на, возвышавшийся плотной стеной, высоченный папирус. Мелькнуло гибкое серое тельце дикой кошки виверры. В зубах она держала трепыхающуюся иволгу.

– Суша. Но только на время. И это место вскоре вода поглотит. Разлив. Сейчас везде мехет – болото. А когда вода сойдет, где возвышения, останутся пехуу – лужи. Только хо-

ди, да рыбу собирай руками. А там вдалеке не пересыхающие иун – озера, полные птиц. Вот где славная охота! Хоть с бумерангом ходи, хоть с луком, можешь силки поставить. Дичь не переводится, сколько ее не лови. Вон там, на западе до самой пустыни и на востоке, до тех гор, – старший лучник указал не еле виднеющийся синий хребет, – простираются болота сехет. Там вырастает отличный папирус, из которого делают свитки для письма. А камыш до того крепкий, что из него плетут циновки. Древки для стрел из того камыша получаются ровными. Стрела летит точно в цель. Еще есть чудесные озера – ша, поросшие огромными водяными лилиями. Можно придти ранним утром и до самого заката любоваться цветами.

– Здорово! – восхищенно проронил Элиль. – Я хотел бы побывать на тех болотах.

– Ох! Какие твои годы! Всю землю еще исходишь, – усмехнулся старший лучник.

Среди камышей крикали утки, Важно гоготали большие серые гуси. Мелькали быстрые иволги. Элиль смотрел в воду, где показывали спины огромные рыбыны.

– А это кто? – он указал на бугорки, торчащие из воды. Один из бугорков повернулся к кораблю. У него обнаружились маленькие глазки и торчащие смешные ушки. Бугорок фыркнул словно лошадь, пуская пузыри.

– Бегемоты, – объяснил лучник. – Это они только головы высунули. Бегемоты огромные, толстые. А шкура у них,

ух какая прочная. Щиты ей обтягивают, нагрудники делают: не любая стрела пробьет. А вон, видишь те бревна? Это крокодилы. Упаси Себек³¹ встретиться с ними в воде. Пасть огромная и вся полна острых зубов. Теленка враз утащит. Тот только придет попить водички, а крокодил его хватать, – и в воду. Давай крутить, пока теленок не захлебнется.

– Дамба впереди! – крикнул смотрящей.

– Вижу! – ответил старший кормчий, беря правее.

Слева показалась чуть заметная полоска суши.

– Зачем дамба? – спросил Элиль.

– Чтобы поля не размывало, – объяснил старший лучник. – Глядите-ка!

Посреди потока торчал небольшой островок. На уцелевшем клочке суши, жались друг к другу самка орикса с детенышем и несколько серых зайцев.

– Весла, медленней! – скомандовал старший лучник. – Лодку к борту.

Корабль снизил ход. Легкий челнок, что болтался сзади на привязи, подтащили к кораблю. Старший лучник и еще четверо корабельщиков перебрались в суденышко. Отталкиваясь шестью, они подплыли к островку. Старший лучник ловко схватил самку орикса за рога и опрокинул в лодочку. Теленочек жалобно заплакал, затрясся на тоненьких нож-

³¹ *Себék (Собек, Собк, Сохет, Собки, Сокнопаис – древнеегипетский бог воды и разлива Нила, изображавшийся с головой крокодила; считается, что он отпугивает силы тьмы и является защитником богов и людей.*

ках, когда его сняли с островка. За уши перетащили зайцев. Лодка подошла к дамбе. Зайцы длинными прыжками помчались в заросли камыша. Самка орикса побежала прочь, гордо подняв голову. Следом неуклюже скакал теленок. Старший лучник хлопнул в ладоши, подбадривая малыша, и весело засмеялся.

– Хорнахт! – окликнул его хозяин, когда тот взобрался обратно на палубу.

– Да, господин, – поклонился старший лучник.

– Зачем отпустил такой роскошный обед? – в шутку упрекнул хозяин.

– Пожалел бедняг. Если б на охоте – другое дело. Но я еще подстрелю тебе косулю или дикого быка.

– Да возблагодарит тебя святая мать Исида³² за доброту.

– Справа лодка! – крикнул смотрящий.

Легкое папирусное суденышко стремительно приближалось к кораблю. Худой, загорелый человек в одной набедренной повязке всем телом наваливался на шест. Иногда он размахивал одной рукой, другой удерживал шест, и громко кричал.

– Чего орешь? – перегнулся через борт Хорнахт, когда лодочка стукнулась о корпус корабля.

– Шерданы! – вопил лодочник. – Напали на поселение.

– Морские разбойники, – обернулся старший лучник к хо-

³² Исида (Изида) – одна из величайших богинь древности, ставшая образцом для понимания египетского идеала женственности и материнства.

зяину.

– Пусть указывает путь кормчим, – распорядился хозяин.
Крикнул слуге: – Принеси мое оружие и шлем.

– К бою! – скомандовал Хорнахт.

На корабле тут же поднялась беготня. Оружейник доставал из трюма копья, щиты, луки и раздавал корабельщикам. Весла с силой ударили по воде.

– Корабль впереди! – закричал смотрящий. – Нас заметили. Уходит в канал.

– За ним! – На носовую стрелковую площадку поднялся Птахмоз. Еще недавно его облачение напоминало жреческое, но теперь кожаные доспехи и сияющий медный шлем преобразил его в могучего воина. Посланник во все чужеземные страны упоенно произносил молитву. Глаза горели отвагой. В левой руке прямоугольный щит, обтянутый шкурой льва. Правая рука, по локоть закрытая медным щитком, сжимала длинный изогнутый меч.

– Эй! – зычно крикнул он. – Боевую песню! Да пойте так, чтобы нас в Шардании услышали.

Корабельщики грянули тягучий грозный напев. Ветер в парусе подвывал им. Весла бахали по воде в такт. Элиль прибежал на нос и затесался среди лучников.

– Почему ты не в доспехах? – спросил он у Хорнахта.

Старший над лучниками оставался в одной набедренной повязке. В руках лук и несколько стрел. Он повел широкими плечами и усмехнулся:

– Мы же – корабельщики. Это колесничие одеваются в латы, а корабельщики ничего не страшатся.

– А если шарданов будет много?

– Ну и что? Мы же на своей земле. Да хоть целый флот! Амун с нами. – Он мельком взглянул на хозяина и тихо сказал Элилю. – Пойди-ка подружку свою спрячь в трюме. Сейчас на палубе будет жарко.

Элиль бросился к шатру. Мелина стояла возле мачты. В глазах ужас. Грозный хор воинов ее сильно напугал. Он схватил девочку за руку и потащил к маленькой лесенке, ведущей в трюм.

– Что произошло? – допытывалась Мелина. Ей было жутко от боевой песни корабельщиков.

– Не высовывайся! – Элиль усадил ее на сено возле коровы хозяина.

– Но что там?

– Будет бой. Мы преследуем разбойников.

– Элиль, не уходи! – она повисла на его руке. – Не оставляй меня одну.

– Не бойся! Как все закончится, я приду за тобой.

– Элиль, не надо. А вдруг тебя убьют! – Мелина чуть не плакала.

– Не бойся, – попытался он ее успокоить. – Я – сын воина. Ты разве забыла?

– Но если с тобой что-нибудь случится, как я одна останусь? – не хотела отпускать его Мелина. Пальчики девочки

крепко держали руку Элиля.

– Молись за меня. Знаешь молитвы?

– Знаю... Хорошо... Буду молиться... Но будь осторожен!

– Обещаю! Бог Грозы охраняет меня.

Он разжал ее пальчики и выбежал на палубу. Хорнахт готовил лук, проверял стрелы. Рядом хозяин внимательно следил за маневрами вражеского корабля. Нелегко чужакам пробираться по каналу, где кругом мели и дамбы. Расстояние быстро сокращалось. Уже отчетливо вырисовывалась высокая вздернутая корма вражеского корабля. Сам корабль широкий, как скорлупка ореха, сразу видно – сделан для дальних морских переходов. Длинное кормовое весло бешено металось, отворачивая корабль от мелей. Лучники на площадке для стрельбы готовились к бою.

– Продырявь им парус! – приказал хозяин Хорнахту. – Иначе уйдут на большую воду. Там у них будет больше маневренности. Нельзя давать им развернуться к нам носом. Наш таран короче.

Хорнахт выбрал тяжелую стрелу с широким бронзовым наконечником. Мышцы вздулись на руках, когда он натягивал тугой лук. Стрела взвилась высоко в небо. Вскоре в полосатом парусе вражеского корабля появилась прореха. Ветер рвал полотно, расширяя дыру. Корабельщики грянули боевой клич: «Бей! Бей! Амун! Бей!»

– Дайте мне оружие! – потребовал Элиль.

– Ты опять здесь? – рассердился старший лучник.

– Я хочу вместе с вами в бой! Я – сын воина.

– Возьми! – хозяин протянул ему свой щит. – Беги на корму и прикрывай от стрел кормчих.

– На корму? – раздосадовано буркнул Элиль.

– Если кормчего ранят, то корабль потеряет управление, и мы не сможем догнать разбойников. Я доверяю тебе важное дело, – многозначительно объяснил Птахмоз.

– Слушаюсь!

Элиль поспешил на корму. Щит тяжелый. Он едва мог поднять его двумя рукам. Двое кормчих, крепкие корабельщики удерживали длинными веслами судно на нужном курсе. Рыбак, что позвал на помощь, показывал, где мели, а где сильное течение.

– Прямо мель. Вон папирус над водой, – тыкал он пальцем. – Если их корабль повернет, то его подхватит течение, и они успеют уйти.

– Не успеют! – успокаивал его кормчий. – От нас не уйдут! Куда им с рваным парусом. О! Малыш, – заметил он Элиля. – Ты пришел нас защищать. Смотри внимательно за стрелами. Щит, хоть, удержишь?

– Удержу! – огрызнулся Элиль.

Корабль шарданов все ближе и ближе. Враги поняли, что уйти от преследователей не удастся, открыли стрельбу. Зашуршали стрелы.

– Ой, малыш! Ой, прикрывай нас! – запричитал кормчий. – Ой, следи за стрелами!

Элиль уловил, как сверху падают серые точки. Он высоко поднял щит. Стрелы со стуком впились в прочное дерево. Элиля даже качнуло назад.

– Молодец малыш! – подбодрил кормчий. – Выше! Выше поднимай!

Элиль старался. Как мог, высоко поднял щит. Еще две стрелы ударили. Он оглянулся назад. Никого не задело. Вдруг огнем обожгло бок. Стрела воткнулась прямо возле широкой ступни кормчего.

– Осторожно малыш! Ах, у тебя кровь! Больно?

– Нет! – разозлился Элиль. Как с маленьким с ним разговаривает. Какай он малыш! – Подумаешь, царапнуло.

– Ой, малыш! Бросай скорее щит! Бросай его! Держись! – закричал кормчий.

Элиль еще не понял, в чем дело, но быстро опустил щит на палубу и вцепился в поручни. Вовремя! Таран с медной шакальей головой врезался в корму вражеского судна. Раздался треск ломающихся досок. Палубу дернуло. Элиль еле устоял на ногах. Рыбак свалился на карачки и чуть голову не расшиб о перегородку.

– Бей! Бей! Амун! Бей! – прогремело над водой. Воины кинулись в драку.

– Сожри мою печень болотный крокодил! Разорви бегемот меня на части! – радостно заорал старший кормчий. – Посадили их на мель! И корму продырявили! Бухаф! – крикнул он младшему кормчему. – Удержишь корабль? У меня

руки чешутся!

– Удержу! – заверил его товарищ. – Беги, и за меня там повоюй.

Старший кормчий взревел, схватил копье, прыгнул с площадки мимо лесенки и помчался через всю палубу туда, где уже кипел жестокий бой. Элиль прыгнул за ним. На палубе лежал воин. Стрела ему пробила бедро. Он силился подняться, но не мог. Возле воина валялось копье. Элиль подобрал оружие, двумя руками крепко сжал древко и с визгом ринулся на нос. Он не представлял, что будет делать среди могучих воинов сшибавшихся насмерть, но хотел сражаться наравне со всеми.

Все закончилось до его прихода. Когда Элиль вскарабкался на борт чужого корабля, бой остыл. Поверженный шерданы, человек двадцать стояли на коленях. Рядом валялась гора оружия. Победители выводили из трюма плененных жителей рыбацкого поселения, выдирали цепи, которыми были прикованы гребцы-невольники.

Элиль чуть не выругался с досады, крепко, по-мужски. Надо же – опоздал! Вдруг что-то кольнуло его: корабль, как будто, знакомый... Широкая палуба. Мачта, перетянутая канатом. Тяжелый люк в трюм. Так это же... Он чуть не задохнулся от ужаса... Тот корабль, на котором его везли в рабство. Он взглянул на пленников. Красная рожа с рыжей бородой! Аху! Тот, что бил его, а он выплеснул ему тогда горячую кашу в лицо. Все вокруг перевернулось. Гнев овладел

Элилем. Он кинулся на пленника, стремясь ударить его копьем прямо в кривой горбатый нос.

Как будто наткнулся на дерево. Сильные руки кормчего оторвали его от земли. Старший лучник выхватил копье. Элиль брыкался, пытался вырваться, но кормчий держал его крепко и ласково приговаривал:

– Ой, малыш! Да что на тебя нашло? Ой, взбесился!

– Я убью его! – кричал сквозь слезы гнева Элиль.

– Нельзя убивать пленных, – оттаскивал его подальше кормчий. – Ему и так – остаток дней в каменоломнях надрываться.

– Все равно! Убью!

– Что произошло? – рядом возник хозяин.

– Мальчишка взбесился, – объяснил Хорнахт. – Бросился на того, рыжебородого.

– Это он! – рычал Элиль.

– Успокойся! Кто?

– Меня везли на этом корабле хетты в Угарит, – вздрагивая всем телом, кое-как выдавил из себя Элиль.

– Так это не шерданы! – Хозяин вплотную подошел к рыжебородому. – Откуда вы приплыли? Отвечай.

– Они – шерданы, – кивнул рыжебородый здоровяк на корабельщиков. – Я один хетт.

– Кто хозяин корабля?

– Я его нанял, – ответил рыжебородый.

– Врет он! – крикнул Элиль, все еще удерживаемый корм-

чим. — Хозяин — одноглазый.

— Одноглазый? — удивленно вскинул брови Птахмоз. — Нет ли у него шрама через все лицо?

— Есть, — вспомнил Элиль.

— Никак — Рупа, правая рука лабарны Муватилли. — Посланник пристально взглянул в лицо бородатому хетту. — Говори, куда высадил своего господина? И что ему понадобилось здесь?

Рыжебородый гордо вскинул голову и глухо произнес:

— Можешь меня убить. Я тебе ничего не скажу.

— Знаю. Не скажешь, — согласился хозяин. — Мне все расскажет вон тот. — Он указал на молодого воина, лет шестнадцати, стоявшего на колени позади всех. У юноши дрожали плечи и стучали зубы. Глаза испуганно бегали по сторонам. — Поднимите его.

Аху вдруг извернулся. Непонятно откуда у него в руках очутился нож. Он бросился к юноше, желая пронзить сердце. Не успел. Посланник оказался проворнее. Изогнутый меч расколол затылок, разбрызгивая кровь по палубным доскам. Кормчий закрыл широкой мозолистой ладонью глаза Элиля, чтобы он не смог видеть еще одной страшной смерти.

Пленников связали и перевели на корабль посольства. Их усадили вокруг мачты. Освобожденные рыбаки долго благодарили хозяина и целовали ему руки. Он лишь попросил приютить невольников-гребцов. Корабль шарданов так и остался торчать на мели, слегка скособочив-шись, с огром-

ной дырой в корме. Впрочем, недолго ему так стоять. Рыбаки вскоре разберут его для своих нужд.

Элиля все еще трясло. Кормчий усадил мальчика на бухту льняных канатов, протянул медную флягу.

– Пей!

Элиль послушно глотнул горькую жидкость. Горло обожгло. Пронял кашель.

– Ну что ты даешь мальчишке, старый пьяница, – пожурил кормчего старший лучник. – Только ты можешь пить эту гадость. А ему молока бы предложил.

– Не страшно, – отмахнулся кормчий, хлопая Элиля по спине. – Какой же он мальчишка? Воин! Видел бы ты, как он нас щитом прикрывал. А на бородатого кинулся – зверь! Менфит³³!

Кашель прошел. В голове приятно загудело. Стало легко и спокойно на душе.

– Не слушай этого старого пьянчугу, – ругался старший лучник. И грозно напомнил кормчему: – Про весло не забыл? Бухаф один там надрывается.

– Иду, – недовольно ответил кормчий и зашлепал босыми ногами по палубе.

– Отдыхай. – Хорнахт хотел погладить Элиля по голове, но тут же передумал, все же – воин, похлопал по плечу и отправился к лучникам давать распоряжения.

Корабль взял прежний курс на юг. Корабельщики затяну-

³³ Менфит – дословно: герой. Так называли воинов – ветеранов.

ли победную песню. Мелина оказалась рядом. Девочка опустилась на корточки, заглядывая преданно в лицо Элиля. На пурпурном платице развязался пояс, волосы растрепались ветром.

– Ты – герой! – восхищенно произнесла она. – Я видела, как ты кинулся с копьем в драку.

– Прости. Я совсем забыл про тебя, – спохватился Элиль. – Ты же там одна сидела. Не испугалась?

– Нет. Я с коровкой. Там наверху все кричали. Потом как бахнуло. Коровка испугалась, замычала. А я ее успокаивала. Не бойся – говорю. Выглянула – ты бежишь с копьем. Я обратно. Говорю ей: мы победим! Если Элиль полез в драку – значит, точно – победим. Я ей все рассказала: как ты меня из рабства спас, как из города вывел, как мы на лодке плыли... А она внимательно слушала.

Элиль невольно улыбнулся.

– Ой! – вскрикнула девочка. – У тебя кровь. Смотри весь бок в крови. Я сейчас.

Она упорхнула и через несколько мгновений примчалась с чистой полоской материи и глиняной баночкой. Маленькие пальчики дрожали, когда девочка очень осторожно смазывала противно пахнущей мазью рану. Потом перевязала Элиля.

– Спасибо, – поблагодарил он ее.

– Не за что, – Мелина сияла от счастья. – Ты – герой. Настоящий воин.

– Прекрати, – смутился Элиль.

– У меня никогда не было брата. Наверное, хорошо иметь братьев – настоящих воинов. А у тебя были сестры.

– Две сестры. Они остались там, в Алалахе с мамой... Надеюсь, еще живы. – Элиль тяжело вздохнул.

– Прости, что напомнила. – Мелина погладила его по руке.

– Да, ничего. Теперь ты – моя сестра.

– Клянешься? – обрадовалась Мелина.

– Эй! Эй! Поосторожнее, – погрозил пальцем подошедший лекарь. – У нас в Та-Кемет, слово сестра – сенет звучит почти так же, как супруга – хемет. Шучу, – рассмеялся он. – Покажи рану. – Он осмотрел повязку. – Ну! Мне тут делать нечего. Даже я так хорошо не умею бинты накладывать. Пойду к другим раненым.

Тем временем хозяин допрашивал плененного юношу. Тот стоял перед ним на коленях и дрожал от страха. Хозяин же сидел на небольшом стульчике с низенькой спинкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.